

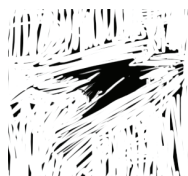
Алла Широнина

КОРНИ

Алла Широнина

КОРНИ

Москва
2019

УДК 82-1
ББК 84(2=411.2)6
Ш64

*Автор выражает особую благодарность редакции Иерусалимского
Журнала за неоднократно предоставленную возможность
публикации текстов, позднее вошедших в эту книгу.*

Широнина, Алла

Ш64 Корни / Алла Широнина. – М. : Де`Либри, 2019. –
234 с.

ISBN 978-5-4491-0265-2

**УДК 82-1
ББК 84(2=411.2)6**

ISBN 978-5-4491-0265-2 © Алла Широнина, текст, 2019.
© Софья Диманд, иллюстрации, 2019.
© Александр Варакин, предисловие, 2019.
© Де`Либри, издание, оформление, 2019.

*Моему деду
Евгению Александровичу Охитовичу
и его братьям — Михаилу, Сергею и Льву*

ЧЕРНОЙ ЗАВИСТЬЮ

Легко говорить о стихах авангардистских: сразу найдутся аналогии, припомнятся течения («Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе...»), влияния, прогрессорство и прочее.

Но заходишь в тупик, рассказывая о стихах традиционных: ну, что ещё сказать, когда до тебя всё разложено по полочкам?..

К счастью и моему великому изумлению, прекрасный поэт Алла Широнина, голос которой мною когда-то, может быть поспешно, оценен как «ахматовский» – Боже, неужели я так считал?! – ни в один шаблон не вписывается, раздвигает все границы и обрушивается тропическим ливнем.

Да-да, так же раздаривает себя наша звезда, наша королева, как и много лет назад, когда жила и творила в таком странном месте планеты Земля, как хлебный город Ташкент. Он готов был единовременно явить миру целую поэтическую школу, в которой в течение нескольких сезонов восьмидесятых годов прошлого века возросло не менее полутора десятков талантов, каждый со своим голосом и тембром.

Рассыпанная, развеянная, эта «школа» не состоялась, но отдельные ее звезды время от времени вспыхивают на небосклоне. Среди них, как уже сказано, Алла Широнина – королева, и этот ее монархический статус ещё очевиднее сейчас, чем прежде. Впрочем, читатель, не пугайся,

властвовать над тобой она не станет, если сам не составишь к ней верноподданнической петиции с просьбой принять в число поклонников и рыцарей. Творчество ее настолько светло и прозрачно, что никак не сможет затмить ни других королей и властителей дум, ни царьков, ни князьков, ни около-монархических личностей от Поэзии.

Кстати о Поэзии. Возможно, Алла Широнина – тот поэт, через которого легче всего проникнуться любовью к этому жанру творчества, и уже не остыть к нему вовеки. Достаточно обратить внимание на ее образы, на то, из каких фантастических слов они рождены и как расположены эти странные, на первый взгляд, слова. Однако, если найдешь силы снять с себя колдовство, то увидишь: и слова далеко не новы, и расположены в традиционном порядке... Так в чем же волшебство?..

*Распятие слова на сердце моём,
а мне бы с любимым остаться вдвоём,
а мне бы, как водится, в лунную ночь
зачать замечательных сына и дочь.*

*И в каждом из них повториться,
усилиться и раствориться.*

А в том, что в стихах Аллы Широниной невозможно переставить с места на место ни единое словечко, ни единую запятую. Так же, как невозможно это сделать в стихах Пушкина, Ахматовой, Заболоцкого.

Алла Широнина – безраздельная хозяйка своего поэтического слова. А вместе с ним – и хозяйка неповторимого образа, рождённого этим словом.

Она – создатель неповторимого мира с причудливым ландшафтом, выверенными границами и незыблемыми законами, в том числе нравственными.

Ей не свойственно лукавство, она постулирует свои взгляды, не собираясь оставлять их за кадром. Причем, самое удивительное, стихи Аллы Широниной и в ташкентских, «языческих», советских одёжках отличались той исповедальной интонацией, которая свойственна им в нынешние времена, когда умудренная душа поэта в поисках гармонии обращается к Богу.

Читая эту книгу, объединившую стихи разных лет, ты убедишься, насколько цельной личностью была и остается королева литературного Ташкента, уже давно покинувшая его, как и автор этих строк.

Может быть, я несколько преувеличиваю власть Аллы Широниной надо мной и другими ценителями ее творчества, но это простительно: незабываема ушедшая молодость, незабываемы тогдашние кумиры. В те годы нашим королем был поэт Александр Файнберг. При этом Алла Широнина воспринималась как отдельная царственная личность и, подобно всем нам, была и осталась благодарна Учителю.

Но какое же королевство без девиза и без заявленного кредо? Они есть в этой книге, дорогой друг. Но заметь, в финальном стихотворении Алла Широнина выражает некоторое сомнение – *а есть ли у её стихов ты, читатель?*

Что за риторический вопрос! – я знаю, конечно, есть: ты здесь, ты держишь эту книгу в своих руках. Но ведь никто не может запретить мастеру

слова сомневаться в том, слышно ли оно. Тем не менее:

*А женщина? Судьба её, какая?
Угрюмая,
 унылая,
 больная?
Где исказилась?
 Чем потрясена?
Свои крыла над нею простирая,
замкну в кольцо:
 — Будь счастлива она!*

Да, жест безусловно королевский.

Не жди от меня банальных признаний... в том смысле, что есть зависть черная, есть зависть белая, и я, мол, завидую завистью, конечно, белой...

Да ничего подобного! Самой черной завистью завидую тебе, читатель книги. Особенно тебе — кто впервые в жизни узнал это имя.

Правда, и я, перечитывая, восторгаюсь заново, но ты-то, ты сейчас откроешь для себя удивительного поэта Аллу Широнину. Еще бы не завидовать!

Александр Варакин

Ташкентские тетради

* * *

Душа мужает постепенно,
добро и зло распознаёт,
и жизнь, её наставник верный,
ей опыт свой передаёт.

Ничто бесследно не проходит,
ничто не происходит зря.
Душа, как капля янтаря,
из смол очищенной выходит.

* * *

Отечество моё – не самый тёплый край,
и осенью в отлёт опять собрались птицы.
Не надо их жалеть: для перелётных стай
немало в мире мест, где можно подкормиться.

А здесь искажены страданием черты,
а здесь на большаке, промёрзнешь до икоты.
Раздетые до пят, кричат во сне кусты.
О, эти голоса обобранной природы!

О, кроткие глаза распаханых полей
и солнца скудный свет – не то, что на Востоке.
Да, ярче страны есть, но кровное милей.
Забыть ли этих зорь некрашенные щёки!

Отхлынут холода, и к Муромцу в усы
слетятся гнездовать вернувшиеся птицы.
Покажутся – рекой Алёшины власы.
Покажутся – травой Добрынины ресницы.

ВЕРНОСТЬ

Глухая ночь.

По-воровски
туман за окнами крадётся.
Моей собаке от тоски
сегодня с вечера неймётся.

Оденусь тихо,
выйду к ней.
Как всё вокруг мертво и дико!
Ни звёзд,
ни звуков,
ни огней,
ни человеческого лика.

С чего, дружище, дыбишь ость,
вбирая запахи пространства?
Собак не украшает злость,
их украшает постоянство.

Я за него тебе плачу,
а впрочем,
нет!
я не плачу,
я тоже верность источаю,

как бы по звонкому мячу
ударом точным отвечаю.

Чего ж ты маешься, чудак,
рычишь
и грозно шерсть вздымаешь?
Не часто совпадает так:
что заслужил, то получаешь.

И в час, когда гуляет зло
по беспрепятственному лугу,
считай, что крупно повезло
нам, притулившимся друг к другу.

* * *

Розовеют лужи от заката,
наплывает вечера кисель
и, дразня мечтами о котятах,
кружит кошкам головы апрель.

Одурев от радостей весенних
и чихая от избытка чувств,
хвост задрав, идёт под звон капли
кот-красавец, баловень и хлюст.

Мир вокруг волнуется и дышит,
и мечты от нежности светлы.
По стволам взбираются на крыши
дикие домашние коты.

Дни летят, как зёрна золотые,
и, хмельны от счастья и весны,
кошки, материнством налитые,
в бескручинный сон погружены.

РОМАНТИКИ

Романтики всю жизнь чего-то ждут
и чудеса находят за порогом.
Как муравьи, романтики снуют
по всей стране – по тропам и дорогам.

Из отпусков домой они идут,
как, может быть, солдаты из похода.
За красоту, что в сердце берегут,
благослови романтиков, природа.

На откуп им отдай свои леса
и облаков большие караваны.
Полей твоих обильная роса
да освежит их ссадины и раны.

Чтоб, возвратившись к шумным городам,
к подъездам гулким в блочных и этажных,
во снах они ходили по цветам
лугов твоих таинственных и влажных.

ДУДА

На древней площади восточного базара
калека с дудочкой, как заклинатель змей,
который год с бедой своей на пару
сидит меж двух огромных костылей.

Играет он мелодию простую,
в корявых пальцах мучая дуду,
и редкий грош на землю, в пыль густую,
прохожие кидают на ходу.

— Спаси вас Бог, —

старик им шепчет в спины.

Июльский день, слепящая жара.

Ослеплена и сослепу невинна,
толпа течёт, криклива и пестра.

И впрямь, старик, минуй нас доля злая,
избави бог от неизбывных бед,
гори-гори, на миг не угасая,
с любовью к миру сопряжённый свет.

О, жизнь моя, для грусти нет причины,
лишь только бы не пела никогда
об одиночестве перед лицом кончины
души моей нехитрая дуда.

* * *

В руках всемогущего мига
судьбы моей странная книга.

Заляпаны грязью иные листы,
иные, как души младенцев, чисты,
и бегают буковки-блошки
под каменным сводом обложки.

Распятие слова на сердце моём,
а мне бы с любимым остаться вдвоём,
а мне бы, как водится, в лунную ночь
зачать замечательных сына и дочь.

И в каждом из них повториться,
усилиться и раствориться.

Мне до бесконечности хочется жить,
но что и кому я могу предложить!
– Эй, кто там пускает бессмертие в рост?
Ни бога, ни чёрта на тысячу вёрст.

СЛОВО

Мелькнёт вдали, растает снова,
как в светлых сумерках – олень,
неуловимое, как тень,
как тень, изменчивое слово.

А ты, вослед ему спеша,
оставь обычные заботы –
в благословенный час охоты
они не стоят и гроша.

Начни, поэт, бей слово влёт
и возглашай победу кличем.
Пусть долгожданная добыча
плодом дозрелым упадёт.

Твой час настал! Расти, душа,
расти во вспышках озаренья.
Жизнь так волшебна хороша,
когда нисходит вдохновенье!

* * *

Душа, растущая в покое,
невозмутима и чиста —
никто не тянется рукою
к незрелой ягоде куста.

Никто её не стережёт,
чтоб охранить от злого вора,
как будто знает, что нескоро
страстями душу обожжёт.

Но солнце Азии такое —
не нынче завтра выйдет срок,
душа, растущая в покое,
получит первый свой урок.

* * *

Трудно дело птицелова...

Э. Багрицкий

В окошко глянешь по привычке,
а там щелкают и свистят
удачи, птички-невелички,
и кажется —

на первый взгляд,
бери их порознь и вместе:
того и ждут: кто их приветит,
к тому и на руку слетят.
Куда! И слышать не хотят!

Зерном, сушёным виноградом
ты их приманишь сотни раз,
они клюют, хлопочут рядом,
и — сорвались,
и — скрылись враз.

Ловить их весело и сладко,
но, чтобы дело удалось,
один совет запомни, братко:
ловить их надобно всерьёз.

...Ещё звезда на небе светит,
а ты уж встал и ставишь сети —
тобой сплетённые силки,
да крупку сыплешь из руки.

Листом по травке покатился,
под куст скорёхонько залёг,
михрюткой в логве затаился
и жди, тугой, как узелок.

...Пустым из промысла не вышел,
кто порадел, да крепко выждал,
да ловко дёрнул за шнурок.

* * *

Может быть,
и нас пригубят,
как заветное вино.
Может быть,
и нас полюбят
безрассудно и хмельно.

Чьей-то нежностью томимы,
чьей-то волей
 пленены,
мы войдём, как пилигримы,
в чьи-то думы, чьи-то сны.

Нам,
от жизни огрубевшим,
так нужна родная крыша,
чтобы сердцем
 разомлевшим
чьё-то сердце
рядом слышать.

ТАК БЫЛО, ЕСТЬ И БУДЕТ

Поэтам юности

Стучат дожди в холодное окно,
нальём вино в гранёные стаканы
и будем пить, и будем петь хмельно
под скрип пружин разбитого дивана.

Мы наших женщин будем целовать
и в их глаза заглядывая пьяно,
смешные клятвы станем повторять
под скрип пружин разбитого дивана.

И долго будем спорить ни о чём,
бог знает что доказывая рьяно,
и, привалившись к валику плечом,
заснём под скрип разбитого дивана.

Проснёмся утром в комнате чужой.
Полны окурков грязные стаканы,
и скверно так, что хоть по-волчьи вой
под скрип пружин разбитого дивана.

БЫЛИ Б МЫ РАДЫ

Мы глянули в небо: – И нам бы, и нам
помчаться свободно,

как тем облакам!

– С ветром ненастья и нам бы, и нам бы
ключья тумана

скручивать в ямбы!

– Развоплотившись, были б мы рады
стать очистительным

ливнем и градом.

Но шквалистый ветер, умерив порывы,
смеялся,

мотая растрёпанной гривой:

– Ах вы, поэты – гибкие кости!

Смотрите в небо?

Проситесь в гости?

Вам ли, пугливо присевшим на месте,
жить на просторе,

петь его песни!

ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТ

Плетёное кресло подвину к окну,
возьму на колени приبلудную кошку
и буду сидеть и смотреть на Луну,
прошедшую жизнь вороша понемножку.

Прилипнет к окну заоконный мирок:
взаправду ли заполночь в комнатах страшно?
– Не бойся, я только смятенный зверок,
живущий в бетоне, как в норке бумажной.

Меня сторожит оловянный солдат
он дышит повсюду мне холодом в темя.
Я в кресле, а он – за спиной в аккурат,
служака исправный по имени Время.

Серебряным светом облиты кусты.
Мы с кошкой всё это покинем однажды.
О, если бы знать, что останешься ты,
мой мир заоконный, исконный, всегдашний!

У божьей рулетки не выпросишь прав –
не будет ни птиц, ни деревьев, ни трав
и мёртвое поле зияньем борозд
ощерится в небо, лишённое звёзд.

Скорее бы солнце в оконный проём,
воистину страшно в жилище моём.

* * *

Как Божий Дух
над хаосом и бездной,
дыханье жизни
носится над миром,
и паучок бежит на тонких ножках,
и водоросль,
покачиваясь,
тянет
послушное,
изгибчивое
тело,
и это — их единственная жизнь.

И птица спит,
нахохлившись,
в гнезде,
и шепчутся влюблённые о счастье,
на вожжах времени
повиснув
поцелуем,
и это — их единственная жизнь.

Я не хочу о гибнущей Земле,
дыханье жизни вброшено в пространство,
но чаша гноя —

каждому к губам.

И в каждом плачет

внутренний младенец.

КОРНИ

Царевна девушкой была
и схимницей умрёт.
Поразобрали на дрова
её былинный род.

Но, говорят, остался лес,
где верный волк не сдох,
ученый кот с ветвей не слез –
на дубе кормит блох.

Там соловей раскольный жив,
надежды не лишён,
свистит, колодник, свой мотив –
и крив, да не смешон!

Там, наклонясь над миской щей,
жених перед венцом,
глядит на Марью царь Кащей
бессмертным подлецом.

Там богатырский конь-огонь,
как ясный жар горя,
и рад бы холкой – под ладонь,
да нет богатыря.

Избушка там на курьих двух.
С каких ещё времён
там Русью пахнет.
Русский дух
по-прежнему силён.

РОЗЫ... РОМАШКИ

Не снятся мне мучительные сны,
весной душа по-зимнему спокойна.
Я не люблю, и мне почти не больно,
что вы опять в кого-то влюблены.

По-прежнему на каменной плите
танцует пыль у моего порога,
и вдаль бежит разбитая дорога
навстречу дню и жизненной тщете.

Мой крохотный мне снова дорог сад,
где расточают розы аромат,
где муравьи, стрекозы и букашки
на лепестках и на листе ромашки.

И по одной упрямую траву
прилежно я выпалываю с грядки.
Посмотрит кто, и скажет:
– Всё в порядке.
Сама не верю: кажется, живу.

ДРУГАЯ ЗЕМЛЯ

Где-то есть земля другая,
там живут другие люди,
и в глаза совсем другие
светит им другое солнце.

Там растут другие травы,
там поют другие птицы,
и луга совсем другие
там другие топчут кони.

И меня, совсем другую,
там совсем другие любят.

ЧЕЛОВЕК, ИДИ ДОМОЙ

День вечерней кутерьмой
мирно завершается.
Человек, иди домой,
так уж полагается.

Дома свет и тишина,
и – слегка небрежное,
от соседа у окна
«Здрас-сте» неизбежное.

Что ж ты медлишь? Поспеши.
Гаснут краски. Звуки тают.
Ну, чего тебе, скажи,
в этой жизни не хватает?

Что кривишь ты рта стежок
и о чём сутулишь плечи?
Или сердце пережёл?
Или душу покалечил?

Одинок ты или болен,
или счастьем обездолен,
что бы ни было с тобой,
человек – иди домой!

ЖУРАВУШКА

Под злое тиканье часов
закрыла двери на засов.
Дорожку в сенцах подровняла.
Вернулась к стылому окну.
Вздохнула, глядя на луну.
Сняла с постели покрывало.
Подумала: «Вот жизнь пропала,
а жалко молодость одну».
Вдруг замерла, себе не веря,
прислушалась, метнулась к двери,
в одно мгновение расцвела,
в одно мгновение стала грешной,
затвор откинула поспешно,
толкнула дверь, и обмерла.
Всё вспомнила и поняла,
и разрыдалась безутешно.

* * *

Если вся моя жизнь полетит под уклон,
я опомнюсь на самом краю
и надежду в обойму вобью, как патрон,
и атаку судьбы отобью.

Если к пропасти горя меня занесёт,
где безумье стоит у виска,
безрассудная вера мой разум спасёт
в первобытную силу броска.

Если гончие злобы, мои палачи,
нападут на беспечный мой след,
мне фонарик любви замигает в ночи,
и пойду на открывшийся свет.

С ВОСТОКА

Я российских поэтов читаю стихи,
чувством близости странно томима
к той – неблизкой земле, где кричат петухи,
где большие и снежные зимы.

Мне бы тоже слова, как на нитку низать,
эту землю в стихах воспевая,
мне бы каждую травку по имени звать,
только трав я российских не знаю.

Я не знаю ни бора, ни тёмной реки
с крутизной берегов, с ледоставом;
я облистьем берёз не ласкала руки,
чуя Родину каждым суставом.

Так живу я – от Волги в другой стороне,
и к другим припадаю истокам,
находя вдохновенье в сегодняшнем дне
стороны, что зовётся Востоком.

И когда на рассвете сойду я с крыльца,
куст граната слегка потревожа,
моего он привычно коснётся лица,
пыльный след оставляя на коже.

ЗВЁЗДЫ

Вы когда-нибудь считали,
сколько звёзд у звёздной дали?
Вам на это наплевать.

Ваши куры их клевали,
а когда клевать устали,
стали крыльями сбивать.

Помертвелые светила
я на грядках находила,
принималась горевать,
да слезами поливать.

Мне и в ум не приходило,
что они взойдут опять.

* * *

Живу.

Во мне живёт порядок.

Я выбиваю пыль из складок
своих излюбленных идей,
пасу мечты —

моих лошадок,
и крепко верую в людей.

Живу.

Мне есть, в кого влюбиться,
с кем провести огромный день,
наговориться, как напиться
и, отступая,

провалиться
в ночную тень.

Живу.

Меня мой опыт учит
и вместе — радует и мучит
и, как стрекозы на траву,
ко мне слетаются удачи.
Я их ловлю.

А как иначе?

О смерти помню.

И живу.

СТРАХИ СНА И СТРАХИ НОЧИ

Прочь, прозрачные мужчины
в светло-серых макинтошах!

Прочь, убийцы в мягких шляпах
с папиросками в зубах!

Просочились через двери –
я глазам своим не верю,
тени тех ещё ребят.

Настороженно клубятся
и двоятся,
и троятся,
и уходят,
и стоят.

В коридоре поздней ночью
страхи сна – теперь воочию.

– Чур, меня! Рассыпья, прах!

* * *

А. Б. Пугачёвой

Выбегает балерина –
 очень хлипкая на вид,
и руками, и ногами
 крутит, вертит, хоть куда.
Потому что балерина
 только жестом говорит.
Я таких ограничений
 не терпела никогда.

Я – и жестом,
 я – и взглядом,
я – и голосом
 неплохо.
Ты зашёл бы в мой театрик –
 я программе изменю.
Как бокал на длинной ножке
 от касания и вздоха,
от волнения – проливаюсь,
 от желания – звеню.

Запрягаю в шарабанчик
муз крылатых птичью стайку.
В поднебесье! В поднебесье!
Вместо кнута – слеза:
Под весёлые куплеты,
под гармонь и балалайку
невозвратливое время
навернулось на глаза.

* * *

Мы все – и не однажды,
отрёкшись от себя,
измученные жаждой,
ласкали, не любя.

И втайне каждый помнит,
как помнят странный сон,
провалы съёмных комнат
с прищурами окон.

Случайные приюты,
где нас толкала страсть
в недобрую минуту
упасть,
 упасть,
 упасть.

О, всем вам Аллилуйя,
кто лжёт не до конца,
ласкает, не целуя
немилого лица.

* * *

Он только тронет платье,
а я уже бледна.
Ах, мне б теперь в объятья
открытого окна!

Ах, мне б от этой муки
позёмкой по снежку,
да только бы не в руки
немилому дружку!

Устала я ворожить
и раны врачевать.
– Пусти меня,
хороший,
домой заночевать.

* * *

Ты перед ним – что стебель гибкий...

А. Блок

Вот я – любовь, ко мне украдкой
бегут с подённого двора.
Моя кошомная палатка
полна ничтожного добра.

Глазами бедного урода,
отторгнутого от людей,
моя невидная свобода
бесправно смотрит на гостей.

Мой кофе сварен по-турецки
и пошлостью обварен рот;
мужчины хохот молодецкий
уже ничто не оборвёт.

Я – есмь любовь, запястья тонки,
униженно невинен взгляд.
Все вместе взятые иголки
ни от кого не защитят.

ЗАКЛЯТИЕ

Страданье, прочь с его пути!
А ты, огонь, ему свети,
когда, как чёрный грач,
не видит он, куда летит
во мраке неудач.

Счастливый случай да хранит
его, когда он крепко спит,
приспущенный, как флаг,
не чуя, что за ним следит
старинный лютый враг.

Ты, Марс – кровавая звезда,
и ты – скалистая гряда,
и ты – степная ширь,
не подводите никогда
его под монастырь.

Пусть ветра вольного вольней
гуляет он сто тысяч дней
по лезвию ножа,
судьбы не ведая своей,
ничем не дорожа.

ПТИЧИЙ НАРОД

Здесь, на Руси, рано встают –
так хорошо птицы поют.

Слышат сады их голоса,
ими полны наши леса.

Сколько у птиц разных имён!
...бывший Иван... бывший Семён...

Разных семейств, разных родов,
из деревень, из городов.

Русских могил много окрест;
вся и печаль – холмик да крест.

Кто на земле правильно жил,
сам о себе песню сложил.

Он уж давно, миром забыт,
в милом краю птицей летит.

Песни своей не оборвёт.
Неистребим птичий народ.

Я по судьбе связана с ним
тягостью лет, горестью зим.

Птицы в моём сердце поют,
совушке, мне, спать не дают.

пос. Улыбышево

* * *

Всё те же мы, что наши деды,
как встарь иваны-дураки,
перемогаем злые беды
и вдаль глядим из-под руки.

Всё тот же древний веет ветер,
Ярило – наш славянский бог,
встаёт как пахарь на рассвете
и греет землю, сушит стог.

Всё так же нива золотится,
в озёрной глуби ходит сом,
и пыль классически клубится
за громыхнувшим колесом.

Всё те же мы даём обеты
и коль придётся воевать,
уйдём, чтоб в светлый день победы
всё те же стяги развевать.

* * *

Я иду по отвесной стене,
поднимаюсь всё выше и выше,
мне видны ваши души и крыши,
и ответственность виснет на мне.

Обезьянка, зазола, бавушка,
где твой

псами

погрызенный глаз?

Так меня придушила, подружка,
даже кто-то заплакал о нас.

Вы не мучайтесь, добрые люди,
не случится урона в стране.
Нам с мартышкой предела не будет,
есть уступы в отвесной стене.

* * *

Где-то рядом
 беззвучные толпы кричат,
и беззвучные струны гитары звучат,
умножая беззвучные крики.
Чёрной птицей поджалась ночная страна.
Кто там, в кратере чёрном?

 Не знает она.

Смерть во взгляде
 вдовы безъязыкой.

Онемевшие рты искушают: убей!

Многословья

 молвы

 многолетней

 страшной

молчаливых сквозящие лики.

В отдалённых покоях,

 у страха в горсти,

карлик Звёздного часа промёрз до кости.

Ночь и страх его равновелики.

ЭКСПОНАТ

История рождалась на бегу,
шарахалась в пространственном запале,
периодом скруглялась по спирали
и Барыню плясала на кругу.

Непосвященных внуков племени,
по случаю дивясь на экспонаты,
гуськом пройдут музейные палаты
и в жизнь бегом, князьями в стремена.

Заезжий гость возложит свой венок.
Прохожий мельком глянет на могилу.
Прошедшее – гигантский осьминог,
утративший стесняющую силу.

Перемещён в аквариумный зал,
шевелится в коралловых отломках.
Смотрите все, кто истины взалкал,
на чудище в подсвеченных потёмках.

* * *

*Кто может знать
при слове «расставанье»...*

О. Мандельштам

Узким горлом разлуки
выпеваются жалобы:
– Целовала бы руки,
собакой бежала бы...

Сколько нежных и грубых,
угрюмых и звонких
на прощанье – кто в губы,
кто – в лоб, как ребёнка.

Будто хлопают двери:
забудется...

вспомнится...

друг за другом потери.
Ах, дайте опомниться!

Узким горлом разлуки –
старинные жалобы:
– Целовала бы руки,
собакой бежала бы...

Сколько аэропортов
и прочих вокзалов –
из аорты
 в аорту
напряжение в залах,
где встречающих – лица,
проводящих – лики,
расставанья – границы,
а встречи – лишь стыки.

Узким горлом разлуки
те же вечные жалобы:
– Целовала бы руки,
собакой бежала бы...

Репродукторным выдохом,
не умеющим жалостно:
– Все, идущие к выходу,
вернитесь, пожалуйста!

* * *

От Яккабага до Карши
трясёт автобус две души.
А впереди, а вдоль дороги
овраги,
рощи,
перелогы,
забвеньё,
ветер,
камышы.

Проскакиваем Камаши.
Прыжок, и мы летим, как боги!

Но мой попутчик мне мешает,
он скотч, он клейкая слюна,
ну, как же!
тёплая,
большая,
в командировке – и одна...
Он так желает мне помочь!
А я желаю слушать ночь,
её пастушечьи эклоги.

Вот звёзды вышли, как прологи,
и ну выстёгивать размер
гекзаметром в длину дороги.

— Ах, отодвиньтесь, кавалер,
мы, городские недотроги,
не любим эдаких манер.

ХОЛОДНО

Я мыслю циклично: от раза до раза –
какая не очень избитая фраза!
У фразы избитой ни зуба, ни глаза –
и снова не очень избитая фраза!

Как дует из щелей в гостинице ночью!
Согрей меня, шерри двойного не очень.

Теперь всё сначала и вновь с чепухи,
никто ведь не знает, как пишут стихи.
Приходится это вязанье вязать
одним – чтобы выжить, другим – чтоб сказать.

Вино виноградно. И я виноградна.
В гостинице холодно, а не прохладно.

Как разрывают ангажемент,
я разрываю летящий момент.
Буду запихивать пух и волокна
вместо ватина в мёрзлые окна.

Джаркурган

* * *

На прицепе трактор вёз гузапаю:

– Забери до кучи,

песенку спою.

Вот тебе и тема: всхлипы тростника,

близкий – запах поля, дальний – кизяка.

Одинокой фарой вспарывая путь,

едем как с пожара: можно отдохнуть.

Из-за перелеска, птицею с гнезда,

порхнула степная крупная звезда.

Каменные пальцы указуют путь,

и не надо думать, и нельзя свернуть.

Хорошо трясемься, хорошо пылим.

И не любопытно, и не говорим.

И поёт нам ветер – каждому свою

песню, что поётся лишь в родном краю.

Пахтаабод

ДВОЕ

– Вам ведь звёзды не мешали,
для чего же Вы стреляли?

– Так не думали, видать.

– Ну, и часто попадали?

– Так стреляли, не считали.

– Разве можно в них стрелять?

– Так на то она и сила.

– Как земля-то попустила?

– Так на то она и Мать.

– На, а небо?

– Так ведь спало.

– Ну, а если всё сначала?

– Так недолго и начать.

– А заставят отвечать?

– Так на то оно и право.

– Ну, прощайте, мне – направо.

– Так придётся поскучать.

* * *

Ещё полжизни тут похлопочу,
и – нет меня!

Ушла – куда хочу.

Моё – со мной.

Моё здесь – только слово.

Искательница века золотого,
я в лучший мир
костяшками
стучу.

* * *

Я – в тревогу, как в дорогу:
что там будет впереди...
В ухо шепчут:
– Ради бога, от меня не уходи.

Разве что-то понимают,
отправляясь в дальний путь?
Разве чувствуют и знают
кто-нибудь кого-нибудь?

* * *

Александру Стрижевскому

Вдохни на мысль
и выдохни на слово,
а между ними паузу держи.
Она прослойкой ляжет,
как сливовый
ложится джем
на ломкие коржи.
Беглянки – из Эдема или Сохо,
рождённые от Паузы
и Вздоха,
серебряно
размерами
звения,
к тебе придут
ритмические строфы
и, кулинарку, ты поймёшь меня.

СХИМА

Как на ниточку подвешенный звонок,
человек бывает страшно одинок
и, бывает, потянулись позвонить,
а в руке одна оборванная нить.
По дороге – придорожная трава.
Вместо схимы – приворожные слова.
Помянули мне отлучку небеса:
– *Променяла на земные голоса?*
– Вы постойте, не шумите, облака,
не гоните с голой кочки кулика;
неужели прежде смерти умереть, –
ладно, тело, дайте душу отогреть!
...Уплывают ледяные облака.
– Ненавижу! – поневоле с языка.
Обоьщает, но не греет белый свет.
Крепче цепи небом принятый обет.

* * *

Ты говоришь мне: *будь горда...
стремись... пытайся, неумеха.*
Что ж, я стараюсь – вот потеха!
казаться гордой иногда.

Учусь речам, повадкам, стилю
и – кто мешает мне мечтать?
однажды как-нибудь осилю
врагам руки не подавать.

Но, знаешь ли, всегда неловки
мои слова, и жалок вид;
босячкой в краденой обновке
душа пристыженно глядит.

И не юна, и не кудрява,
она по сущности своей
лукавить не имеет права;
быть гордой – не по чину ей.

* * *

Игорю Бяльскому

Об этом каждый что-то знает,
а не столкнулся – не поймёт:
поэт при жизни умирает
и снова в Вечности живёт.

Враждебны скальная порода
и плодородный верхний пласт.
За то, что смутны от природы,
природа взыскивает с нас.

Ей всё равно, какие флейты,
к каким губам поднесены.
Возьмёт и сбывчивостью бейта,
возьмёт и слабостью жены.

Ей всё равно, какие флейты...

Об этом каждый что-то знает,
а не столкнулся – не поймёт:
душа при жизни умирает
и снова в Вечности живёт.

И Божий глас, и глас народа
перекрывает голос каст.
За то, что мелки от природы,
природа взыскивает с нас.

Ей всё равно, какие овны,
каким богам принесены.
Возьмёт и радостью неполной,
возьмёт и казнью без вины.

Ей всё равно, какие овны...

Об этом каждый что-то знает,
а не столкнулся – не поймёт:
любовь при жизни умирает
и снова в Вечности живёт.

И совершенная свобода
освобождённости не даст.
За то, что пленны от природы,
природа взыскивает с нас.

Ей всё равно, какие длани,
какой тщетой сопряжены.
Возьмёт и мерзостью желаний,
возьмёт и мерзостью войны.

Ей всё равно, какие длани...

ДОМОЙ

Снег хрустит, как будто рота
в баню с песнями идёт.
А всего-то ничего-то —
я себя веду с работы,
надо мною чёрный кот
вместо месяца плывёт,
и не светит мне удача!

Спотыкаясь,
но не плача,
с хрустом двигаюсь вперёд.
Из ближайшей подворотни
пёс под ноги, словно бес,
молодой — сиречь голодный,
с простотою беспородной
в сумку носом, а с небес
кот...
— Ату его, балбес!

Но собаке не до драки,
вот, была — и нет собаки:
слишком чёрный интерес.

Всё вверх дном
и против правил,
и в домах ни огонька.
На развилке, кто поставил,
словно дурь свою прославил,
Бабу и Снеговика?
До утра, как на века!

Мне бы тоже глупой, слабой,
улыбающейся бабой
так стоять – в руке рука.

* * *

Официант! Подайте счёт!
Пора произвести расчёт.
Успеть мне надо дотемна,
ведь я, вы знаете, – одна,
мой кавалер не в счёт.
Они теперь во всём – не в счёт,
и это очень огорчает.
Конечно, юмор выручает,
но всё же... сорок лет...
Что?

Не похоже?

Нет?

Бывало, крикнешь в пустоту,
и ждёшь, откликнется:
– Иду-у!
Но пустота не отвечает,
и это тоже огорчает...
а в целом – жаловаться грех!
На службе никаких помех.
Как там поют? – «Вперёд и вверх!»
– Теперь зевать нельзя...
И в руководстве есть друзья:
живу не хуже всех.

Со мною мать моя, старуха
и есть собака – лучший друг.
Он, правда, слеп уже и глух,
но усыпить не хватит духа.
А был красавец собачина!
Я тоже нравилась мужчинам.
Я и теперь ещё стройна!
И вот, как видите... одна.
Считайте... два вина...
Мой кавалер – не в счёт.

ЛОТЕРЕЯ

Александр Файнбергу

Давайте играть в лотерею,
азартные люди, сюда!
С подарком уйдут лорелеи,
с приварком уйдут господа.

В рекламном проспекте означен
один легендарный успех,
две-три золотые удачи
и общая радость на всех.

Безвестные миру просоды
и признанный вживе поэт,
по случаю Нового года
тяните счастливый билет!

Как «Приму» из дружеской пачки,
с крестьянским ухватистым «э-эх»
доставайте

и за ухо спрячьте –
таланом бахвалиться грех.

Давайте играть в лотерею!
Гоните, друзья, по рублю;
я в лёгкое счастье не верю,
но тоже билет прикуплю.

* * *

Одолжи десятку, плотник,
деревянная душа.
Скоро Ленинский субботник –
а в карманах ни гроша.

Надо срочно всё на свете
в Хозтоварах закупить,
чтоб в служебном кабинете
окна-двери перемыть.

Личный вклад в копилку года –
мне не жалко, я внесу.
Одолжи червонец, морда,
я в зарплату – занесу.

* * *

Судьба, как магнитная мина,
Пристанет – невзвидишь света.
Была я почти невинна,
вплывая в тридцатое лето.

Была я почти невинна,
судьба мне дала за это
стареющего блондина,
блатного с душой поэта.

Чего уж теперь к оврагу
бежать и в него кидаться...
Не удержать бродягу,
лучше и не пытаться.

Нашью себе новых платьев:
– Глядите, мальчонки, в оба!
После его *объятьев*
на мне золотая проба.

Прикинусь почти невинной;
прощай, тридцатое лето.
Магнитная, что – не видно?
Опять притаилась где-то.

ИНСТРУМЕНТ

Моему деду Мирону

Мой чудный инструмент
находится в порядке.

Чисты его бока
и клавиши – двухрядки.

И вот ещё момент:

нетронут он пока.

Мой бедный инструмент,
он так боится влаги –

хранятся в нём стихи
и прочие бумаги.

И вот ещё момент:

он зрит мои грехи.

Концертная рояль
в большом концертном зале

беснуется и ржёт
к нему из дикой дали,

но пуританину
чужда её возня.

И вот ещё момент:

он плачет без меня.

* * *

Vive la France! Околдован духами,
ловко в бороду пряча угри,
мой сосед наклоняется к даме:
– Как ты пахнешь сегодня, Мари!

Бог любви, освящающий чресла,
возле дамы скругляет витки.
Мой сосед изгибается в креслах
и целует её завитки.

Будет в комнате пахнуть носками,
их кому-нибудь надо стирать;
повезёт и ухоженной даме
неухоженной женщиной стать.

Бог любви повитает и сгинет:
– Было очень приятно, мадам!
Безутешную Машку покинет
– Vive la France! – непреклонный Адам.

КИНО

Про актрису с ковбойской хваткой,
про индейцев – судьбы несладкой,
про трансвальцев, презревших смерть,
мы киношку идём смотреть.

Деревянные двери рая
по-апостольски отворяя,
билетёрша впускает нас
в беспредельный киносеанс.

И на древние шрамы скамей
опускаются вместе с нами
под сияние Новостей
девятнадцать киногостей.

Девятнадцать глаза таращат:
героиню куда-то тащат,
кони загнаны... кровь рекой...
– Успокой меня!

Успокой!

Обнимал меня серебрукий,
целовала я ему руки,
а когда мы пошли домой,
померещилось – будет мой.

Нижнечирчикский район.

КЛАССИКА

Ладшки сдвинуы:

– О, пожалей!

Сыграем классику?

Ещё живей!

Глазами лупая – и как бледна!

такая глупая,

стоит Она.

Отмерив медленный

полупоклон,

такой уверенный

уходит Он.

СОН

Он сбежал по воздушным ступеням
и в объятиях душу унёс...
Залетейской возлюбленной тенью
встала тема волнистых волос.

Ты возьми её, бог саксофона,
и по-щучьи играя хребтом,
потяни эту музыку стоны,
эту звукопись вечных истом.

Я – органом, рыдающим мессу
трубным выдохом клавишных губ,
возоплю, задыхаясь:

– На место!

Люди добрые! Душу крадут!

БОЛЬ-КОЛЬЦО

Поудобней руку положить,
с головой зарыться в одеяло.
Тяжело, но можно пережить
чувство, от которого устала.

На глаза надавят пятаки,
если только сердце ошибётся;
боль-кольцо покатится с руки,
завитушкой пыли обернётся.

ТЕАТР

Русскому драмтеатру им. М. Горького

Театра жертвенный престол,
пустуя, дрогнет,
старинный занавес тяжёл:
он столько помнит.

О, кто здесь только не играл!
Теперь безмолвны
они, как этот тронный зал,
молчанья полный.

Лучом серебряным луна
щекочет ниши.
О, кто здесь только не взывал!
И был услышан.

Тихонько музыку звенит
подвеска соло.
Её за смелость извини,
театр слова.

Как лица ясные зеркал,
твой мир безгрешен.
О, кто здесь только не страдал!
И был утешен.

Проткни кинжальчиком, театр,
гортань злодейства.
О, кто здесь только не был смят
усильем действия!

Неразличимы в темноте,
грустят портреты
о прошлой жизни и о тех,
кто канул в Лету.

И так молитвенно звенит
подвеска соло,
как будто праздник именин
у храма слова.

РУСАЛОЧКА

Я – от всех отличимая
и со всеми похожая,
вся как есть неделимая
на плохое-хорошее.
Я – зарёй озарённая
и ветрами прошитая,
ни в кого не влюблённая
и никем не обжитая,
я – вперёд, без огляточки,
многолюдной дорогою.
– Вы не бойтесь, русалочки,
за сестру босоногую!
А людишки торговые,
ишь, глаза вороватые!
покупают обновою:
– Мы ребята богатые...
Что на лицах пустующих,
что в глазах беспокойчивых:
как бы мы тебе всунули...
как бы мы в тебя кончили.
– Ты, от всех отличимая,
ты, зарёй озарённая,
заходи ближе к вечеру,
будешь очень довольная.

В ПЕСКАХ

Пошёл безумец по тропам степным:

И боль, и горе следуют за ним...

Алишер Навои

Меж чёрных солнц и чёрных лун
в пустыне мечется Меджнун.

Мне так понятна и близка
его песчаная тоска.

Он от возлюбленной вдали
стенает в горестной дали.

Он в окруженье чёрных бед.
Увы! От них спасенья нет.

На мне бессмертной тени тень.
Я – Кайса немощая тень.

Во мне его бессильный крик
не затихает ни на миг.

В песках отчаянья мой дом.
Ищу в отчаянье мой дом.

Случайная в своём роду,
себя в пустыню я веду.

Там исчезают без следа
все пастухи и все стада.

Весь жизни стыд и стыд стыда
там исчезает навсегда.

Я всех страстей ничтожный след
и всех случайностей послед.

Я от любви отлучена.
О, вопль души, достигшей дна!

Меня захлёстывает круг
безжалостных случайных рук.

В беспамятстве и темноте
я прорываюсь к чистоте.

Нас разделяет горизонт.
Куда ни кинусь – горизонт.

Копытный век и сонмы стад
в меня глядят, глядят, глядят.

* * *

Жрецы.

Фанатики.

Кликуши.

Господству мёртвых нет конца.

Двадцатый век.

Всё те же души

исподлица.

С прищуром каменные лики
и каменный – под сердце нож.

Двадцатый век.

Всё те же крики:

– Моё! Не трожь!

Взгляд обезьяно-человекий
на пограничные поля.

Двадцатый век.

В крови, как в млеке,

дитя Земля.

.....

Ты победил, забывший Бога
и одичавший человек.

Теперь встречай,

он у порога –

возмездный век.

* * *

А вчера, как чёрная дыра.
А вчера – подростки без призора,
чердаки, подвалы, коридоры,
мародёры, шлюхи, шулера.

А сегодня – плесень по углам.
А сегодня – карканье воронье,
беготня своих и посторонних
по несуществующим делам.

А назавтра, гриву разметав,
птицу-тройку красный конь обскачет.
Колокольчик путь его оплачет
в ту страну, где много сладких трав.

ГОРОД СОЛНЦА

Здесь – молвь и шум.
Там – тишина
в однообразно светлых далях.
Здесь – на скрижалях письма.
Там – только буквы на скрижалях.
Здесь – можно выгадать строку,
вертя слова и так
и этак.
Там – кто гадает,
всех секут,
и нет – ни строчек,
ни поэтов.
Здесь – вот тебе моя рука!
Там – холостая
жалость в лицах.

Я к вам сюда издалека –
увериться и возвратиться.

БАЛАНСИР

Любовь невыносимая на уровне груди.
Любовью балансируя, впрыскаю иди.

Понуженное вервие гудит, как контрабас.
Из пропасти доверия разглядывают нас.

И к брату нагибается и брату шепчет брат:
– Пошто не обрывается потруженный канат?

* * *

Земную жизнь пройдя до половины...

Д. Алигьери

Что ты, сердце, что ты врешь:
– Послабеешь, и умрешь...
Я умру и встану снова.

От закрова отряхнусь,
от забвенья отрещусь,
вскинусь веточкой сосновой.

Перекинусь белкой леткой,
намахнусь трехвостой плеткой
на бесстыжего ловца.

Он искал – и доискался.
Он играл – и доигрался.
Ну-тка, разом три рубца!

Трижды дурой в ноги гряну,
трижды к радости воспряну,
поцелую горячо.

Трижды сплюну: «Тьфу, зараза!» –
от людского злого глаза
через левое плечо.

И пойду ходить кругами
бабой-солнцем над лугами –
всех жалеть и всех беречь.

Трижды кликнет ворон-вечер,
трижды ворону отвечу:
– Мне ли, бабе, в землю лечь?

Мне Господь навьючил ношу.
Подобру да похорошу
я несу её, несу...

И свалюсь, и встану снова,
вскинусь веточкой сосновой.
– Где я?
В сумрачном лесу.

ВАНЬКА-СТОРОЖ

А. Н. Афанасьеву

До сторожки то крапива, то бурьян.
Ванька-сторож то ли помер, то ли пьян.
От деревни – вороньё да головни.
От деревьев – некорчёванные пни.

И поныне, что ни возчик – то водец,
что ни корень – то подрубленный конец.
Что ни взвоем – то и некого винить:
наше горе, нам и головы клонить.

– Гей, на страже! Ваньку криком не пронять.
После кражи – а и нечего пенять.
Утром рано всхлипнет шаткое крыльцо:
– Здравствуй, Ваня... страху божьему в лицо.

.....

Новью грянет россиянам исполать,
перестанут русских вороны клевать,
повернёмся:
– Это что за молодец?
Ванька-сторож – ясным соколом с крылец.

МОНОЛОГ

Что солью на раны – посадские брёхи.
Не самые враны – так сестры-дурёхи.
Когда уж потухли коптящие горны,
а вихри да слухи по-старому чёрны.

И веют, и веют, и воют утробно,
под самые двери гыгычут погрёбно,
что русская слава – быльём перевита,
что русская правда – на восходе побита.

Мирянам, присудно по лавкам сидящим,
и замертво пьяным, и мёртвым, и спящим:
– Вставайте, Потапы, Лукеи, Панфилы! –
от пуза поспали, поели, попили.

И спинам не трудно. И грудям не больно.
Побудные трубы: – Вставайте, довольно!
Засорена пашня, загорблена изба,
досадно и страшно от бабьего визга.

Болотная скука: ни песни протяжной,
ни гордого звука, ни думы отважной.
Восстаньте, провидцы! Восстаньте, герои!
Не всё вам давиться родимой землёю!

— Вставай же! Вставай же! —

под рыхлые боки
толкают Отечество будные сроки.
Последней надеждой пылают зарницы,
загнобились вежды, залипли ресницы.

От сони запечной ни мёртвы, ни живы,
уходят навечно святые порывы.
Похоже, Спаситель и нас отпустил,
...да кто мы такие без отчих могил!

ЕМЕЛЯ

Вечерняя восходит
над лучшей из земель,
колдует в огороде
один из тьмы Емель.
Ему сказали: Воля! –
он с лавки не слетел.
Ему сказали: Доля!
А он не захотел.
Архангеловы трубы
не взяли за живот,
при нём Иуда – в губы:
он крякнул, и живёт;
в чуме и недороде,
в разоре и пальбе –
не правиком в народе,
направщиком в избе.
За белыми ладьями
подвинулся Дурак.
Остался за братьями
негаданный косяк.
...Учил сынов Емеля,
рыгая и крестясь:
– Ивашке будь Расея,
а вам – добавка в часть.

* * *

Разомкнуты уста... На поле Куликовом
ведунья-голова о древностном речёт.

А видится – вчера, а мыслится – о новом:
безверие поит, безчиние сечёт.

Наместники твои – от малы до велики,
всё ликами красны, всё помыслами дики.

У всех единый толк, у всех змеиный плёт.
всё варварская кровь безвыходно течёт.

Отечества сыны, повитые любовью,
приняли все вины с отеческою кровью.

Колчаны им на грудь и лук старинный в руки,
но кто продолжит путь борения и муки?

С младенческих пелен раденьем не отмечен,
сколь много тур Иван возьмёт на белы плечи?

К кому с кремлёвских стен дозоры вопият,
что град незащищен безпечием объят?

Разомкнуты уста...

РОЖОК

Я на брови надвину монашеский плат
и – закройте туманом дороги назад!
в окружении дум непорочных
потянусь вдоль пустынно-торговых палат,
мимо крупнопанельных и блочных.

Это я и не я, это беглый рожок:
шелковистое тело и губы в кружок –
от греха и житейского спора;
не доглянет подружку ревнивый дружок,
придремнувший, как пёс у притвора.

У молчальницы девки тревога одна:
никакая дорога нигде не видна
и – чем дальше от мира, тем хуже,
и – чем дальше от мира, тем горше вина,
тем досадней подкожная стужа.

Где он, скит обнесённый, насквозь смоляной,
над шатрами хвалёные тишь и покой?
Сколько нашего беглого люда
с обесточенным сердцем, в надежде пустой
порывалось добраться дотуда!

ЧЕРЕЗ РЕЧКУ

Торжественный петух за речкой прокричал.
Перехватило дух. – Неужто час настал?

На мертвом языке: «Ты снишься мне, Харон?»
Молчание в ответ. – Конечно, это сон.

Макнули два весла
и выставились два.
Не отпустила боль. – Конечно, я жива.

Мелькает над водой летучей мыши тень,
оборванная ночь не переходит в день.

Сгущается туман, и дышится трудней.
Вне времени плывём без звуков и огней.

Ощерившихся скал темнеет полоса,
над хищною грядой клубятся небеса.

...Да это край земли, начало всех начал!
Ты снился мне, Харон,
но – петел прокричал...

Как небо далеко и близок ад земной!
Встречайте же меня, возлюбленные мной.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Благость в прохожих, отдельно идущих:
не замечая, всех пропускают.

Благость в собаках, бездомно бегущих:
даже ребёнка не испугают.

Благость в последних
осиных шафранах,
благость и в осах,
снующих сонливо.

Милостью божией
смертные раны
благостно смазаны солкосерилом.

В благостном воздухе белой палаты
гнилостный запах локального ада –
несоразмерность

отдельной утраты
с общим и благостным: Родине надо!

Родине надо – мы победим.

Родине надо – всё отдадим.

В жертвенном дыме – особая благость.

Сказано: сладок Отечества дым.

340-й общевоинской госпиталь

* * *

Запласталась по суху ракитина:

– И куда ж вы, детинушки, прётесь,
и почто вы, такие зелёные,
покидаете Родину-матушку?

Серогрудый восплакал соловушка:

– Во чужбину, казённые, тянетесь,
в басурманском неладном отечестве
не сложить бы вам головы буйные!

Повалилась трава заполошная:

– Разувайте сапоги скрипучие,
становитесь босявые, глупые,
потопчите меня по-вчерашнему!

Замутнела река переправная:

– Не ходите на страшную сторону,
тот и сам страшноват возвращается,
кто прошёл по мосту переходному!

Попустели солдатские отчины –

и былинные русские вольницы,
и хребтинные горские княжества,
и седые балтийские ведовства,
и землячества среднеазиатские.

Помертвели солдатские мамушки,
заколодели в тягостном ждании,
обездушили в чёрном безвестии,
измышляя заботы сыновние
во спасение чуждого племени.

ПОЛУСТАНОК

Собака на трёх ногах –
вот страх!
Шею вытянула,
не дворняга – страус!
Паровозами воздух пропах,
и ещё – очком.
Сторож машет флажками.
У него – старость.
Вон за тем поворотом
жилой дом,
здесь – лачуги на слом,
там – свалка.
Кто-то лупит по рельсе:
...Бом!
...Бом!
Сторона ты, глухая...
всех жалко.

ОДИННАДЦАТЫЙ КВАРТАЛ

Кричит подростка мутная тоска,
наотмашь бьёт

с неистовою силой:
как детский ор,
слышно издалека
с гаражных стен
тупое «Изнасилую!».

Здесь полосой кончается асфальт.

Здесь редко, но
бывают беспорядки.

Здесь по утрам
свой пьяненький отряд
выводит ЖЭК
на плановые латки.

Я здесь живу чертовски много лет,
и это всё?

Какая незадача!
Приятно, что
на свете счастья нет.

Обидно, если
где-то всё иначе.

О СТРИЖКАХ

Сегодня стрижка мериносов
и фермер – лев
среди наследников курносых
и рьяных дев.

Сегодня кровью налитые
глаза овец.
Спасает кудри развитые
овен-отец.

Сегодня гиканье и ропот
и дробный топ,
...десятый... сотый
обработан
упрямый лоб.

Светило клонится к закату
и на холмы
ложится свежая заплата
стригущей тьмы.

Не понарошку и за нами
железа рыск
и лязганье над головами,
и ножниц визг.

И поколение, и племя
оголено.

Глядит, надсмотрщиком над всеми,
луна в окно.

.....

Тьма навалилась на курносых,
подмяла дев.
Спит стоя стадо мериносов.
Спит лёжа лев.

КАТОРЖАНЕ НАДЕЖДЫ

Куковала кукушка дремучих лесов,
что проклянется времечко новое.
Полетели семь сроков
 под семь топоров –
устояла махина кондовая.

Мы – кукушкины дети
с бессонницей сов
и тяжёлой усталостью в лицах.
В нас качается маятник
Тёмных веков,
полыхают скиты и столицы.

Каторжане надежды
в железах любви,
по-медвежьи мы круты хребтами.
Кто обмяк и осел –
оставайся, живи.
Кто в силах – собирайся за нами.

КОМАНДОР

Но восходит солнце в небеси...

Слово о полку Игореве

Командорских оплечий
подняв драгоценный потуг,
бойся выпреченной речи,
восторженно вскинутых рук,
откровений вечерних
в ловушке укромных углов,
понимания черни
и —

черни подманных даров.

Не ко времени грозный,
но где-то по давнему крут,
бойся тяги доносной,
обида

железных опут,

и —

призван златоглавой
державное благо блюсти,
бойся думы лукавой
о яблоке царском в горсти.

ПАМЯТЬ

Мне и в третьем колене —
 шуршание призрачных шин
и зловещие тени
 тех призрачных чёрных машин.

Будто время застыло
 комками на стрелках часов:
молча смотрит Россия
 косыми глазами крестов.

До колена седьмого
 нам биться в ловушке дорог,
вырываться и снова
 всем миром о клятый порог.

За порогом над верой
 зловещая птица кричит,
и грядёт сорок первый,
 и бодрая песня летит.

И, казнившая люто
 детей, что вскормила сама,
дико смотрит на внуков
 крестовая наша страна.

СКРИПАЧ

Скрипач совсем продрог.
– Присядь на табуретку,
а скрипочку, браток,
пристрой вот на газетку –
подальше от огня
...на лик сакраментальный,
на гарнитуру дня,
на жирный шрифт бахвальный.

Прогорклый – миндаля
и сладкий – запах тлена
присдобрила земля,
к Востоку обращенна.

Среди порожняков,
и сами – все калеки,
хоронят *большаков*
чужие человеки.

И смотрят из щелей
теплушек довоенных
глаза ничьих детей.
– Помин для убиенных!

Помин, да не тайком,
а всей артелью грозной,
чтоб каждого – гудком,
как в ленинский, морозный...

– Давай, скрипач, играй,
про разум возмущённый,
про наш опальный край,
проклятьем заклеимённый!

.....

...Скрипач давно умолк
и весь остался в прошлом,
со скрипочкой у ног
снегами запорошен.

К МУЖЕСТВУ

Кто в гневе проклят родиной своей –
прости жестокой родине своей.

Кто в страхе проклят родиной своей –
прости безумной родине своей.

Кто в муках проклят родиной своей –
прости несчастной родине своей.

Ты – сын её, поскольку верен ей.
Нет утешенья матери твоей.

ЭПИТАФИЯ

Богатыркой наезжала –
всех княжонков распужала.

Половчанкой наезжала –
старика взяла в полон.

В услуженье нанималась –
деньги брать не получалось.

В божье царство продолбалась,
а и там – церковный звон.

Всех по матери послала,
с кем хотела, с тем бывала.

Никого не забывала,
но – вернуться не звала.

Кралась, ластилась, линияла,
всюду ключья оставляла.

Зверю глотку wygrызала,
человека – берегла.

Распрямлялась, дрожжевая,
рубцевалась, ножевая.

Косы венчиком плела,
мужу блинчики пекла.

В милых детях умирала
и в безвременье ушла.

* * *

Я – в землю вросшая стена,
моя не ломится спина,
во мне три двери, два окна,
за мной – покой и тишина.

В старинный сон погружена,
старинным рвом окружена,
я жду, взойдёт моя Луна,
слукавит:

– Здравствуй, ты одна?

И будет музыка слышна,
и ночь не так уж и длинна,
и жизнь не так уж и темна,
и Вечность близкая видна,
глядит в три двери, два окна:
– Трудна судьба твоя?

– Трудна.

Я – в землю вросшая стена.

ИСХОД

Я ваша хозяйка, вы все – мои звери,
не жмитесь ко мне, волкодавы-потери!
По первому снегу, покрывшему пажить,
и вы убирайтесь, крысята-пропажи!

Ступай, отправляйся в страну обезьян,
мартышек-любовей пустой караван,
чтоб я, оглянувшись, могла без затей
рвануть налегке из ташкентских дверей.

Домой! По разбитой и скользкой дорожке –
с бесстрашием рыси и дерзостью кошки,
ищите-свищите, растаял и след:
меня вне России фактически нет.

Я – корень, из Руси пропавший однажды.
...А всё же, как больно

быть вырванной дважды!

И двери-то настезь – открыла сама,
но выпрыгнуть напрочь,

как спрыгнуть с ума.

FOREVER

Роберту Городецкому

Нас долго провожали
и шляпами махали,
и старый вальс играли
на скрипочке одной.

И мы навек прощались,
а кони застоялись
и весело помчались
по пыльной Обводной.

...Карету мне, карету!
Я сяду и поеду,
и всё найду по следу,
оставленному мной.

Там скрипочка играет,
и вальс не умирает,
и жизнь не улетает
по пыльной Обводной.

Синяя птица

* * *

Летает, летает, не хочет садиться
широкомасштабная Синяя птица.

Вращаясь, плывёт голубая планета,
сменяются области мрака и света.

Слышатся крики, шёпоты, стоны,
скрежеты, гулы, грохоты, звоны.

В прорезях мглы, облаков и туманов
лики великих сквозят океанов.

Текут пескоструйные слёзы пустынь,
трещит полюсная, хрустальная стынь.

Сельва за птицей бежит, как мальчишка –
сверху видна неумелая стрижка.

Сверху видны неслучайные меты –
жизни и смерти птичьи приметы.

Медленно птица зрачками вращает.
Всё она видела. Всё она знает.

Люди снуют по дорогам поспешным.
Так одиноки! Так безутешны!

Думают люди, в небе – синица.
«Глупые! Жадные!» – думает птица.

ПОЕЗД

Как хорошо в дороге спится!
И спим, и пьём, а поезд мчится
так, что захватывает дух.

Сгорает Солнце в клюве Рух,
взлетает прахом и садится
воронами на провода
и перхотью на проводницу,
ну, или на проводника –
тут разница невелика
...поэзия такая птица,
она не пьёт – и ей не спиться,
а наша доля нелегка,
нам можно с полом ошибиться.

Так балагурим... поезд мчится.
Не чай и точно не вода
волнуется на дне стакана.

– Спокойно, жидкость, здесь не Кана,
здесь до краёв дольют всегда,
какую ни подставь посуду,
...но как сильна тоска по чуду!

– Пьём за Россию, господа!

И пьём, и чёрт не брат нам спьяну,
что за окном, не знаем мы,
несёт нас к морю-океану
по рельсам пира и чумы
и дальше – через океан
(перекреститесь, кто не пьян),
туда, где факелом Свободы
нас встретят, в руки вложат меч,
и мы – по-братски, будем сечь
к нам прилежащие народы.
Но это в будущем случится.
Сейчас мы спим, а поезд мчится.

ИЗБРАНИЕ

Времена подновили болванку
и пошили ей платьице впору.
Прежде – фоткаться ездили к танку,
а теперь – полюбили к собору.

Ты, по-новому – вновь христианка,
а по-старому – та же шутиха.
Заливается лаем Каштанка,
чуя запах славянского Лиха.

И жених твой, с тобой обручённый,
погляди-ка, и он – обречённый.

Аллилуйя принявшим венец лубяной!
Аллилуйя взошедшим под свод ледяной!

К ОВИДИЮ

Ты поразился бы, Овидий,
когда бы въехал в здешний понт,
лицо наместника увидел
и ближних узкий горизонт.

Какие *здесь* метаморфозы,
какой сознания кувырок,
невежества какие позы,
развития какой зевок!

Что мы свободой называли?
К чему нас опыт призывал? –
и сами мы не понимали,
и ты бы нам не подсказал.

Мне жаль, ты весь извёлся в Томах,
разлукой с Римом сокрушён,
твоя тоска, увы, знакома
тем, кто империи лишён.

Мы гневом давимся украдкой,
мы грезим славой прошлых дней.
Нам вшиты ампулы упадка,
но, брат, *зависимость* – сильнеей.

* * *

Дионис и Ад – одно и то же.

Гераклит

Над побережьем балтийским пространным
Бога не видно за плотным туманом.
Море втопило в песчаную осыпь
слёз Мусагета неброскую россыпь.

Тьма неизбежная ужас наводит.
Где же ты, солнце? – Время уходит!
Мы прозреваем, иль нам это снится:
время с безвременьем тесно роднится.

Мёртвые лебеди, пена прибоя,
дионисийские стоны гобоя.

* * *

Н. А. Конкиной

Мои подранки – сиры и убоги.
Я чую их, ищу и нахожу –
отчаянно бредущих вдоль дороги
или без сил валящихся в межу.

Я их целую поцелуем речи,
врачую словом раны их голов,
шарфами нежности укутываю плечи,
забывшимся – желаю добрых снов.

Что делать мне!

В их скорбь врасти по пояс?
Забрать их память и отдать врагу?
Я к ним спешу, как санитарный поезд,
но всех спасти, конечно, не могу.

Какая дань жестокосердным судьбам
весь этот покалеченный народ!
За что гоним? Кто были злые судьи?
Кому крестовый выгоден поход?

Страдание здесь – наследье вековое.
За горем горе входит с Русью в пай,
струятся реки с пагубной водою,
опустевает сникший духом край.

Ни Лота нам, ни пущего везенья,
ни развернуться, ни вперёд шагнуть.
Что станется?

Как в Книгу заглянуть
бытийных притч библейского значенья?

* * *

О, Родина, воспрянь! Как тупо ты гогочешь
и пьёшь, и куришь дрянь,

и страшное бормочешь.

Бывают времена, когда мы все неправы,
но есть ли где страна, не имущая славы!

Без памяти нельзя, как Деве – без покрова.

И без любви нельзя, она – Живое Слово.

Ты помнишь сыновей?

Себя в простой рубахе,
вопящую, когда их подводили к плахе?

Ты помнишь, как сама,

с оборванным подолом,
босая, на сносках, тащилась чёрным долом? –

Не тронулась умом на мёртвом пепелище,
возвысила себя, и не осталась нищей.

Твои колокола – высокие глаголы,
а ты так весела, став девкой полуголой.

* * *

Ты разуверения слухом не лови,
не найдёшь спасения там, где нет любви.

В темноте безверия – счастья ни на грош,
сколько ни заглядывай, клада не найдёшь.

В царство подземельное ход не открывай,
там – всё то же самое, только чёрен край.

За стенами чёрными вырос городок,
заметает улицы пепельный снежок.

Горем удручённые люди здесь живут,
книги запрещённые не читают – жгут.

В чёрном храме молится чёрная толпа,
чёрное неверие – вместо потолка.

Полководцы чёрные – наголо клинки,
чёрные, несчётные там ведут полки.

Чёрными мундирами застлана земля.
Чёрными могилами пялятся поля.

Гарью окружённые там леса дымят,
облака вороньими стаями летят.

Бродит по пожарищу вылинявший лис,
креповой метёлочкой жженный хвост повис.

ВЗДЫХАЕТ ФАУСТ

Как пастухом гонимые стада,
неторопливые текут часы труда.

Вздыхает Фауст и, взыскупя мира,
в окно глядит потерянно и сиро.

Мир голосит, мир требует ответа
и подступает к окнам кабинета.

Измерен, взвешен и обременён,
листает Фауст летопись времён.

Он – до краёв наполненный потир.
Он – чаша скорби, вброшенная в мир.

Пылят века, толкаются боками.
Пастух бессилен, стиснутый быками.

* * *

Игорю Бяльскому

Весна. Дожди. Цветущие сирени.
Случайная любовь – алмазом по стеклу.
И голос, и стихи, и пляшущие тени
на потолке, на стенах, на полу.

Всё, как всегда, и – серебром по сини,
Медведица плывёт, за нею Волопас.
Гончар вращает круг. Пророк живёт в пустыне.
Акриды... горечь... одинокий глас.

* * *

Как сиротам родную мать
ни обрести, ни потерять,
так нам, кочующим и бедным,
не слиться с племенем оседлым,
забвения не отыскать.

Из чрева выжатым последом
молва бежит за нами следом,
но мы не разбираем слов.

Куда идём – там нет следов
и никому другим неведом
язык наш льдистый, как слюда.

Мы позабыли города,
в богов играют наши дети,
и наши псы не знают плети,
как наши женщины – стыда.

Всё наше здесь, куда ни кинь:
попынь, колодцы, ветер, синь...

Гремят повозки кочевые,
трясутся головы седые,
мы – память будущих пустынь.

* * *

Меньше места и больше могил...
город мёртвых так быстро растёт.
Это – кладбище сброшенных крыл,
их никто подымать не придёт.

Прорастёт молодая трава
между перистых мыслей и сил,
позабудет людская молва,
кто,
 когда
 и за что их сложил.

Будут скучно, по-тихому, тлеть,
за кладбищенским прячась леском,
белоснежные,
 будут буреть –
перемешаны с мокрым песком.

Чистой ноты звонарь не возьмёт,
лишь зазря потревожит ворон.
И взлетят,
 и уронят помёт...
Вклад небес в ритуал похорон.

КЁНИГ

Парк играет на погосте,
под землёй чужие кости
еле слышно:

– Хрусть!

– Хрусть!

– Хрусть!

Веселящаяся младость.

Затаившаяся грусть.

Das is'n Leben!

Наша радость

всех пугает.

Ну и пусть.

ЧЕГО НЕ ОСТАЛОСЬ

*Наше море сгорело дотла,
Но летает всё та же синица...*

Юрий Кузнецов

Мы многое помним,
чего не осталось на свете.
Любовь – милосердной
бывала на этой планете.
За доброе имя,
за честь
полагалось держаться.
И люди на дружбу
могли, как на меч,
опираться.

Мы помним ещё,
неужели настолько мы стары!
поэзию в силе
и власть
шестиструнной гитары,
невинность винила
и радиошёпот свободы...
Великой эпохи
теперь легендарные годы.

Что умерло раз,
никогда уже вновь не родится.
Ошибся поэт.
Вместе с морем сгорела синица.

* * *

Мы теперь анахореты,
мы хандрим не понарошку.
Нас глухим кордебалетом
задвигают понемножку.

Угасаем – остываем,
доживаем, как придётся.
Заблудившимся трамваем
к нам отчаяние жмётся.

Под ногами льдинка хрустнет,
распадётся на три части;
не осталось даже грусти
от того, что было счастьем.

Лист осенний ветры точат,
он уж сух, а бьётся, бьётся
...умирать никак не хочет,
но и жить не удаётся.

БОЛДИНО

В этом яблоневом рае
соловей летает садом,
и ветла грустит над прудом,
разломившись пополам.
Деревенская девчонка
в барском платье щеголяет.
Предлагает сделать фото
барин в мятом сюртуке.
Семиклассник, из *дворовых*,
дремлет в позе рыболова,
за спиной шумят *пейзаны*,
хороводят под гармонь.
Присмирившие туристы
«получают представление»
и туда-сюда проходят
по Горбатому мосту.
А поодаль на поляне
Саша Пушкин каменеет,
рядом – каменная няня,
но она здесь ни при чём.

* * *

*...уйти от нравственной порчи –
труднее, потому что она идёт
скорее, чем смерть.*

Платон. Апология Сократа

Кто в Москве сегодня помнит
вкус парного молока?
Кто над пошлостью приподнят,
как отличника рука?

Кто не пляшет за полушку
мнимо-княжеских щедрот,
не плюёт в чужую кружку,
не хамит, не предаёт?

Кто души своей не прячет,
не косит под знатока,
не завидует удаче
дуболома-дурака?

Кто не мечется по свету?
Кто не спит с чужой женой?
Кто заглядывает в Лету –
и терзается виной?

Опиатами распятый,
но не померший пока,
кто там помнит 110-й
в переводе Маршака?

ПЛЕСЕНЬ

Мира створками
хлопает мироздание:

– Мир пуст.

– Мир пуст.

– Мир пуст.

Но плесень всё гуще растёт
и скоро займёт пустоту.

ПОРА МИЛОСЕРДИЯ

Милости хочу, а не жертвы...

От Матфея, 9:13

Пора милосердия

кончилась в прошлую полночь.

– Прости, и прощай!

И платочками стали махать.

– Какая потеря! – вздыхали,

но скоро устали вздыхать

и горе запили, как всякую прочую горечь.

А утром будильник сиреной под ухом завыл,

и солнце рассвета привстало

над местом расстрела.

Святая Агапа! Там Родина полем горела,

и струпами пепла покрылась дорожная пыль.

* * *

Шепнёт лукавый: – *Нет греха.*
Ему согласно звякнет злато,
и – как петух на петуха,
в сердцах наскочит брат на брата.

И брызнет кровь, прольётся кровь,
родная кровь... дурная кровь...

С глухих веков до наших лет
цены ей не было и нет,
и посему – ничто не свято,
никто не дорог в тёмный час,
когда вражда морочит нас
и с братом сталкивает брата.

И брызжет кровь, и льётся кровь,
родная кровь... дурная кровь.

* * *

*...ибо не любящий брата своего,
которого видит, как может
любить Бога, Которого не видит?*

От Иоанна 4: 20

Помнишь мальчика нанайца? –
сам с собой боролся в танце.
Их, казалось, двое бьются,
оба спуску не дают.

Стало страшно жить на свете.
Снова бьются. Снова дети.
Отражённые друг в друге
Божьи дети *там* и *тут*.

Кто солжёт, что не похожи?
Иль не братья – дети божьи?
Кто из них допрежь родился?
Раньше – кто заговорил?

Кто над кем смеялся злее?
Кто кого хватил больнее?
Кто за кем бежал вдогонку?
Кто кого опередил?

Для кого важнее воля?
У кого завидней доля?
Первый – кто засеял поле?
Первый – зверя кто убил?

Кто-то кровью захлебнётся,
кто-то выживет, вернётся
и солжёт, не поперхнётся:
– *Я на брата не ходил.*

* * *

На плаху высоких воздушных потоков
опущены буйные головы сроков.
Лишь Богу видны эти спины крутые,
упёртые лбы, непокорные выи.

А снизу видны облака... облака...

Века напряглись в ожидании казни.
Но что нам прошедшие эти века!
Мы в небо глядим без особой боязни.
Мы бедственных сроков не знаем пока.

* * *

Не плачьте!

Иные грядут и придут времена,
и наше сегодня – ещё не последнее время.
Кочевнику снится седло и звенящее стремя.
Матросу – поход и бегущая следом волна.

Мы знали об этом и даже предвидели это:
из людного мира

украдкой,

на цыпочках,

прочь

уходит любовь.

Надвигается дикая ночь,
ворчит Океан и кусает ладони планеты.

Вы слышите посвист?

Рустэм подзывает коня

иль ветер высокой воды

прокатился по степи?

Приснились матросу

какие-то ржавые цепи.

Кочевнику – солнце

какого-то чёрного дня.

* * *

Человек, пока можешь мыслить,
пока сама память об этой возможности
не покинула тебя,
пока не забыты слова,
пока не стёрто Имя
придавшего плоти твоей Дух и душу,
благодари Его за всё,
чего *не дал* тебе.

Благодари
со всем свойственным тебе старанием
и страстью.

И ещё раз! И снова!

И радуйся, что не дано тебе знать
будущее твоё.

* * *

Почти незаметно присутствие тонких миров
и неощутимо отсутствие тонких материй –
так много истерики и буффонадных мистерий,
так много гротеска и фарса, и пламенных слов.

Банальность шпионит, ступая по нашим следам.
Мы странные люди, мы даже, по-своему, дики.
Не надо, не надо, не надо сообщества нам –
мы прячем от мира свои одинокие лики.

У каждого – свой
добровольный и тайный оброк,
своё – обращённое к личному богу, прошение.
За сотней-другой
у пространства подслушанных строк
проклятье и вызов духовного самосожженья.

Мы дней не считаем, нас годы к земле не гнетут,
мы смотрим, и видим сквозь полужакрытые веки:
над Книгой тяжёлые мёртвые воды текут,
и сердце не бьётся
в искусственном сверхчеловеке.

ТРАМВАЙЧИК

Вагон идёт в тупик – вожатый нам не врёт.
В надежде пересестя задвигался народ.
И вот уже в дверях такая толчея,
как в судный день конца земного бытия.

Конечно, старики протиснулись вперёд:
они ломовики, их время не берёт.
За ними молодёжь попёрла, всех давя. –
Ну, этим невтерпёж нарваться на кровя!

Да, милый, мы с тобой попали в переплёт.
Что ж, едем до конца, а там... как повезёт.
В трамвайчике пустом остались ты да я,
бесстрастно нас ведёт стальная колея.

Колотится вагон, стучит, как пулемёт.
– В тупик, да и в расход! – подкорка выдаёт.

МОРОК

Встанет солнце красное,
всё вокруг пожжёт.
Голота – безучастная.
Голоту – сбережёт.

Томление неясное
по веночкам бежит,
песенка про яблочко
в черепе лежит.

А само-то яблочко
задом наперёд
котится, торопится,
жаром обдаёт.

Чёрненькие стрелочки –
прыг да скок.
Для игры в горелочки
нужен срок.

Время есть пока ещё,
дамы, господа,
но Ленин и товарищи
не делись никуда.

Беседка. Тени.
Кружева

* * *

Я к дням притягиваю дни,
за мною тянутся они –
спрессованные навсегда
в недели, месяцы, года.

На радость или на беду
я счёт своим летам веду
и паспорт прячу от мужчин
ввиду естественных причин.

А кто-то в кровь загнал коня
в бесплодных поисках меня.
И время горькое, как дым,
летит за всадником седым.

* * *

Никто любви не стоит. Она случайный дар.
Прими её достойно – как молнии удар.

Пульсирующей венкой и хрупкостью ключиц
подобна legionам флиртующих девиц,
пути не разбирая, не зная слова *нет*,
как дура молодая, она тащилась вслед.

Доступной притворялась – так принято теперь,
скулила и ласкалась, таинственная зверь.
Московскими дворами, ташкентской мостовой
стелилась под ногами, пылила за тобой.

Никто в неё не верит, никто её не ждёт,
покуда проходима до сердца не дойдёт.

* * *

Глаза, опущенные долу,
весь облик трепетный и гордый.
Влюблённость... как лицо знакомо!
Как поступь девичья легка!

С какой протяжною истомой
поют пронзительные горны!
Как подозрительно угрюмо
им откликаются века!

Влюблённость быстрая проходит –
не успеваешь насладиться,
не успеваешь ухватиться
за белопенные шелка.

Её кивок равнодушный –
и сердцу хочется разбиться,
но стопы девичьи бесшумны,
глядишь, она уж далека.

Поберегись, неосторожный,
любви недолгого кокетства!
За ней бежит её волчица,
от стёжки к стёжке вьёт шажок.

Холодной зингеровской лапой
иглу запустит прямо в сердце,
и только вместе с глупым сердцем
ты разорвёшь её стежок.

* * *

Попробуй спрятать кожу древних рук,
укутай кисти митенками скраба,
сотри лицо морщинистого краба

и выдави незрячие глаза.

Кристаллы вставь, прозрачные, как воды,
в которых отразились небеса.

Приклей ресницы – мёртвые леса,
и стрелки подведи пером погибшей птицы.
Чуть приоткрой безгласный и беззубый
просевший рот,

приклей коралл на губы,
припарь его горячим утюгом,
не торопя мгновение рассвета.

Ещё не всё... возьми кусочек лета,
загаром солнечным покрой поверхность щёк.
...Так – хорошо!

А где же язычок? –
Здесь пригодится пурпур алой розы.
Её слегка увядший лепесток
лепечет лесть,

шаля, таит угрозы,
и обещает *всё* – им вызубрен урок.
Но где твой милый? Как он недалёк!

Теперь лови

стволом

пейнтбольный

шарик.

Не раздави! Не урони в песок! –

Нутро наполни тёплым желатином...

Держи осанку – люди смотрят в спину!

Иди.

Он здесь.

Он сделал всё, что мог.

Сиделец на Москве, он для любви покинул
свой дом и сад.

Целуй его в висок!

* * *

В сырой и топкий край – ристалище теней,
сошла с высот любовь.

Сгустился мрак над ней.

Смертельная тоска ей губы обметала.

Крылами хлопал сыч. Гиена хохотала.

И где любовь

босой

ногой своей ступила,

вскрывалась и текла забытая могила.

В долине тёмных сил, в объятьях краснотала,
незванная любовь нашла,

кого искала,

и тело без души обтёрла жив-травой,
то мёртвой,

то живой

обрызгала водою.

Но тело без души любви не признавало!

В отчаянье

любовь

к Всевышнему возвала

(так нищая сестра приходит плакать к брату),
но камнями

слова

попадали обратно.

В болотную страну, пристанище теней,
любовь пришла за мной.

Погибель шла за ней.

И свет не воссиял, и утро не настало,
когда твоя любовь на грудь мою упала.

* * *

Сказал, что философ.
Поверила.
Про ангела – поверила тоже.
Вот и не
отпираю двери я.
Вот и не
постилаю ложе.
Пером белым плечо мне колешь
из пуховой моей подушки:
наострился ташкентский кореш
из Москвы – прямиком к подружке.
Он философ! Единой мыслью
он без бомбы планету грохнет.
От его сухостойных истин
тростниковое тело сохнет,
а моё – и тем более.
Солью
ранний дворник на льдинки сыплет.
К поскользнувшейся на молчании,
к сердцу, замкнутому в часовне,
слово нежное так и липнет.

Голодаю... воды и хлеба!
Сновиденьем достала Никту
сладострастная тень Эреба.

* * *

Выкинь зеркальце кривое,
где лицо немолодое
и усталые глаза.
За Килленскою горою
о тебе мечтает Хлоя,
и кружится над тобою
невидимка-стрекоза.

День закончится закатом,
остальное
всё за кадром
записного торжества.
Как *орешники* – мускатом,
смуглой Хлои ароматом
здесь насыщен каждый атом
в снежных чреслах Рождества.

Спирт и спорт творят героя!
Встань на лыжи под конвоем
сосен в смешанном леске.
Продолжением запоя
в голове кружится Хлоя,
и хвоистой иглою
пальчик Хлои на виске.

Бедный Дафнис! – под корою
образ девы за горою
летней сказкой в январе.

Но разумно ли герою
рисовать её такую
обольстительно нагою
на заснеженной коре?

Не по-детски ль, в самом деле,
под шотландский вой метели
в окна пялиться без сна?

Дафнис шарит по постели.
Вместо Хлои хвоя ели.
Но в душе его – весна.

* * *

Александру Кушнеру

Его стихи... твоё дыханье в трубке,
и не нужны ничьей чужой руки
бесстыжие, нахальные шлепки,
не нужен запах нашатырной губки.

Но замолчи!

Я больше не могу!

Сегодня мне под утро снились козы,
холмы широкие, прозрачные стрекозы,
и Персефоны игры на лугу.

Скажи Семёнычу, пусть в лодке заночует,
пока мы тут купаемся в снегах.

В конце концов, кто в лоб меня целует?
Кто из двоих баючит на руках?

Нет, ясен корень, ты – его плотнее,
славянистей и, может быть, умнее –
тут я судить, понятно, не берусь,
но эллина в душе еврея чуя,
лошадкой русскою, покинувшею Русь,
я по-некрасовски за Кушнером плетусь,
метафизически по Греции тоскую.

Тебя? Его? Кого из вас люблю я?

И с кем из вас бессмысленно борюсь?

* * *

Саше Грохотовой

Положим, что из множества утех
нам выбирать...

что выберем из всех?

Я предпочла бы чистое общение –
двух близких душ взаимонасыщение.

В обычной жизни так чрезмерна ложь,
что искренности редкое явление
неоценимо, как благословенье:

– Прими,

и в Царство Божие войдѣшь...

Ты не таков. Тебе срывать покровы –
занятье сладкое.

Ты вхож во все альковы
стоглавой похоти, где властная алчба,
стегают яростно

послушного раба,

но – терпелив к неистовству и муке,
он гладиатором готов идти на смерть,
благословляя эту злую плеть,
целуя эти яростные руки.

Мы – день и ночь

и только в малом схожи –

как два светила, Солнце и Луна.

Им космос дом. Галактика им ложе.

Для них двоих Вселенная одна.

* * *

В сердце демона пустила,
думала – каприз минутный,
а теперь изгнать не в силах:
он смешной и бесприютный.

Все ли демоны так милы?
Никогда их не встречала.
Никого так не любила.
Ни по ком так не скучала.

* * *

Какая тяга жить
и ласточками гнёзда
под крышами лепить,
любить и спать не розно!

Какой бы ни был срок
судьбою нам отпущен,
завязан узелок
и механизм запущен.

Какой Азеф следит
за нашими ночами,
какой нам стол накрыт,
кто плачет за плечами?

Узнаем не теперь.
Узнаем слишком поздно.
Сквозит. Закроем дверь
и будем спать не розно.

* * *

Вот я – дышу и движусь,
касаюсь волос рукой.
Правду скажи, не обижусь –
я стала совсем другой?

В зеркале отражение,
ты не гляди туда:
я – головокруженье,
сонная лебеда.

Крыльями лебедицы
машет ночная тишь.
Вздрагивают ресницы.
Как же ты чутко спишь!

* * *

*Ой, сорока-белобока,
научи меня летать.
Не высоко, не далёко –
чтобы милого видать.*

Смоленская частушка

Городские звуки отключила тишь.
А ты мне не пишешь.

И даже не звонишь.

Услыхать бы снова золотой звонок,
дорогое слово,
жаркий шепоток.

Округлила губы, почернила бровь.
Где же ты, мой любый?
Где твоя любовь?

Потянулось тело к лунному лучу
тёмною омелой
к белому плечу.

И не надо платья, и не надо слов...
Дайте мне в объятья
давешний улов!

* * *

Все золоти́нки

языком подобрала,
осталось позлатить на храме купола,
стать у притвора.

Ждать,
когда в простом обличье
придёт любовь с её повадкой птичьей.

Стоять и ждать! —

Вот кредо всех времён,
всех, кто когда-то
был и есть влюблён.

Кто по ночам не спит
и доликает масло,
чтоб не потух огонь,
чтоб лампа не погасла.

Не тронет суета нагольной рукавицей
того, в ком голосок
не молкнет юркой птицы.

Кто щебет разгадал,
кто суть его просёк
и сердце изорвал,
как в клочья рвут страницы.

Кому цена любви —
простреленный висок.

* * *

Райской птицы осыпались перья,
и не слышно волшебного пенья.
Птица больше не может летать.

Отворите защёлки и дверцы,
подтолкните притихшее сердце.
Кровь густеет, и нечем дышать.

Как легко возвратиться в начало,
пасть с высот и на досках причала
клюв беззвучный в тоске разевать.

Неотъёмное право природы –
жить, не требуя прав и свободы,
и, не жалуясь, умирать.

* * *

Какое счастье никем не быть,
сомкнуть ресницы и всех забыть!
Не соблазняясь ничьей судьбой,
какое счастье не быть собой!

Есть только полночь и тишина,
душа, как провод, оголена,
по ней озноба проходит ток —
в душе пустыни поёт песок.

* * *

Ни о чём уже не споря,
ничего не скажем прямо:
в нашем птичьем разговоре
слишком много Мандельштама.

Слишком много препинаний,
отрицаний, утверждений,
слишком много восклицаний
в череде местоимений.

Иероглифы желаний
зашифрованы бессрочно
в лексиконе умолчаний,
в примечаниях подстрочных.

В недосказанности смеха,
в неоправданности вздоха —
то ли жизненная вежа,
то ли целая эпоха.

.....

Ни о чём уже не споря,
ничего не скажем прямо.
В нашем скучном разговоре
нет и тени Мандельштама.

* * *

Щипцами толкнёшь головёшку в камине —
погасшее пламя легко разгорится.

Так в область забвенья упавшее имя
нечаянно вспомнишь — и всё повторится.

* * *

Вновь сердца кулачок уверенно и ловко
схватил моей любви змеиную головку.
Теперь – любви конец. Теперь, змея, молчок!
Но алой лентой вдруг обвился язычок.

Опять сто двадцать пять! –
Смущённой серной прядать,
лукавые слова бессвязно бормотать,
опять писать стихи
и в сумочку их прятать.
Кому они нужны?
Их некому читать!

Снегуркой вожделеть к весёлому апрелю,
пока не стоял снег, не обнажилась прель,
пока еще лицом невинности умею
невинность подманить,
как ведьма –
Кристабель.

Заухает сова,
завоют псы в округе,
в простенках зашуршит нездешняя тоска,
не разглядит апрель змеиных глаз подруги,
не избежит её
змеиного броска.

– Беги,

пока вином не выплеснулась хмара,
пока под сапожком не треснуло стекло!

Но, нет!

Идёшь ко мне.

Теперь нас будет пара,
и ты получишь всё, к чему тебя влекло.

Увидишь слом любви,

закат её пожара,
забьётся пеплом рот, изобличивший ложь.

Ты змейку в кулачке

убьёшь одним ударом,
захочешь пережить и не переживёшь.

Море, ветер и песок

КРЕЩЕНИЕ

Птицы Твои сизокрылые
зёрна хватают с руки
в эти голодные, стылые,
в эти святые деньки.

Воду крещенскую, талую,
пью на церковном пиру.
Душу безвидную, малую
треплет и жжёт на ветру.

Господи, знаешь: я верую.
Но сомневаюсь порой...
Ты мне дал сущую – первую,
так уж не надо другой.

СТРАНА

Я – убеждение Корана
и таинство крещенских вод.
Я – сыть, вспоившая тирана,
подножие и эшафот.
Я – день, венчающийся с ночью,
и красноречье немоты.
Я – сон, вперившийся воочию
в свои скривлённые черты.
За мной сомнительная слава:
ударю – так и жизнь в отлёт,
велю – и мой орёл двуглавый
с двойным усилием клюёт.
Я – жуть игры многоходовой
и побелевшие виски.
Оставь себе, охотник новый,
твои калёные тиски.

ГУММЕРСБАХ

Здесь всё от Господа:

и реки, и поля,

и плоть внаём,

и горе без отдачи,

и как одна природная семья,

здесь трудятся,

и празднуют, и плачут.

Ветхозаветно

яблони цветут

под птичий гвалт

и автобана рокот.

Всё очень просто,

всё по вере тут:

Бог милосерд,

и человек не проклят.

ГОРОД

Д. Брауэру

Sweet Memory...*

Sweet Memory...

Жизнь

проходит...

пустяки.

Трясутся липы от горя,

и тянет гнилью с реки.

Но это только сегодня.

Но это только сегодня –

бездомной памяти голод,

её беззвучные губы

и всё минувшее рядом:

все эти прусские мифы

и кантианское небо

над Ботаническим садом.

С высот невидимой кирхи

трубит оставшийся ангел.

Непереученных чаек

не интернирует ветер.

Апрелю сдавшийся город

упал коленями в слякоть.

* Melody Gardot «Sweet Memory».

Он пережил своё горе.
Он пережил своё имя –
и запретил себе плакать.

Sweet Memory...

Sweet Memory...

О прошлом лучше не плакать.

06.06. 2013

ИНОСТРАНКА

Бьётся бабочка в горле кумгана...

Семён Липкин

Ей снится: она в заточении плачет.
Безумен её господин!
Два рыцаря в белом к ней издали скачут.
А конь, между прочим, один.

...Никто не мешает ей спать на кушетке
с потрёпанной книжкой в руках,
в прихваченной шпилькой бордовой беретке,
в заштопанных наспех носках.

Никто не разбудит узбекской гражданки,
до свету проснётся сама –
ночные дворы выметать на Каштанке,
пока не рассеялась тьма.

Не ваша, не наша Расулова Дарья,
достался ей волчий билет,
и можно обидеть, и можно ударить,
у Даши заступника нет.

Ей снятся снега золотые Чимгана,
серебряный плеск Акташа...
и белою бабочкой в горле кумгана
потерянно бьётся душа.

РЫБАРЬ

Открестишься от всех,
шагнёшь через порог:
– Прощайте! Я – рыбарь,
ловец прыгучих строк.
Я слышу голос бездн,
я вижу волн оскал,
я чую наперёд,
когда нахлынет вал.
Откатится назад
бурлящая вода,
не повредив мои
ставные невода.
Косяк зашёл в залив!
Я выберу улов,
шуршащий чешуёй
незаменимых слов.
Чуть свет вернусь домой,
шагну через порог:
– Встречайте! Я – рыбарь,
ловец прыгучих строк.

ПОГОНЩИК

За вереницей гипсовых слонов,
раскрашенных в традиции индийской,
ухаживает верный человек,
ненужный сам себе
и всем своим слонам.

— Как их оставить!

Он силён привычкой
заботиться о пустотелом стаде.
А мог бы вольным жаворонком петь,
звенеть ручьём, кружить в полях туманом,
рыдать от счастья в теле тростника,
возросшего над северным болотом.

Он мог бы, мог!

Но магия пустот...
Но краски форм с цветочными цепями...
Но длинный список неперенных дел...

РЫЦАРЬ МЕСТА

Михаилу Книжнику

Июльские липы роняют рефлекс
на ткань мимолётного лета.
Оплавлены солнцем страницы поэт.
Оплавлено сердце поэта.

Из памяти он ароматы достал,
черты дорогие припомнил,
тоску затворил и любовь настоял,
и нежностью душу наполнил.

Теперь он забрало готов приподнять,
как рыцарь, уставший от битвы.
Он хочет надеяться, смеет мечтать,
он ждёт исполнения молитвы.

Небесная пряжа угрюмо прядёт
колючую нить золотую:
«Пускай себе любит, мечтает и ждёт
...получит судьбу непростую».

ДЕВОЧКА

Т. В. Синициной

Тихо, медленно по дому
ходит смертная тоска.
Молчаливая такая,
не услышишь голоса.

Объявилась не спросилась,
вся – нервическая дрожь.
И куда теперь деваться?
Не прогонишь, не уйдёшь.

Не успеешь удивиться,
выйдет – будто из стены,
как положено по чину,
сядет с левой стороны.

Что за странное созданье
эта смертная тоска...
синий лак на ноготочках
и татушка у виска.

Брови тонкие с изломом,
бант задохся в волосах.
Бродит, пришлая, по дому,
ад запёкся на губах.

ТЁТЯ ВАЛЯ

– Жили мирно. А тут вдруг все сразу!
...И чего ей надумалось, Мотре?
Я её не любила, заразу...
вечно сонная... ходит не смотрит.
А сынок – все перила изъездил!
А щенок – тот всё гадит в подъезде!
Весь ремонт нам, паскуды, испортят...
это ж надо, такого дебила
в сорок лет без стыда нагуляла...
Ну, да чёрт с ним! А я говорила,
как она мужика ободрала?
А мужик-то повадился ездить!
Сколько раз я в окошко видала:
всё целует его в Мерседесе...
а однажды по харе въебала...
От соседей-то морду воротит
и в тетрадке всё пишет,
всё пишет,
а подъезд никогда не помоеет.
Даже «здрас-сьте» от ней не услышишь!
Вроде всё...
ничего не забыла?
...Говорите, подруга звонила?
...Говорите, вчера померла?
Свят! Свят! Свят! От, какие дела!

ДОНА ФЛОР

И греховна, и безгрешна,
с прошлых лет и до сих пор
плачет горько, безутешно
по Гуляке дона Флор.

— Ах, как хочется к родному
приласкаться и прильнуть!
Где весёлый мой Гуляка?
Ни окликнуть, ни вернуть.

Вот же выпала недоля —
ни прогнать, ни перемочь.
Ни словами, ни делами
не утешить, не помочь.

Отзвенел бубенчик-счастье,
пожалейте кто-нибудь,
дайте мерку-невидимку
прошлой радости черпнуть.

Чтоб в её воспоминанье
сопричастно пить любовь.
Quantum satis. На прощанье.
И ещё... и вновь... и вновь.

БОЕВАЯ МАШИНА ПЕХОТЫ

Ах, эти умники! Потерянные дети!
Котятами повсюду ищут мать,
носами тычутся, нуждаются в совете,
но мне ли, женщине, советы им давать!

Не впадлу мне овечкой смирной бляеть,
могу рычать, когтями кожу рвать,
в пустыне огненной – прохладой ночи веять,
их семя пить, их мыслями блевать.

Могу плясать – так, что взлетают груди,
и бёдрами Вселенную вращать,
и петь, когда стреляют из орудий
и нет Христа – спасенье обещать.

Могу казнить – сама полуживая,
могу сам-друг холщовый саван шить
и не заплакать, саван зашивая.
Могу любить, как всякая другая,
и – как никто не требует любить.

КАМУШЕК

То ли в яркий день, то ли в пасмурный
смотрит под ноги себе одиночество,
тяжело идёт, спотыкается,
неуверенно нагибается.

Подымает ракушку бесполезную.
Подымает потерянное пёрышко.
Подымает водоросль отжившую:
ищет равное себе одиночество.

— Где ты, где, такое ж, голимое?

...И нашёлся тут сизый камушек:
морем тёсанный-перетёсанный,
солнцем сушенный-пересушенный,
ветром катанный-перекатанный.

Подобрать его невеликий труд.
Потерять его никому не жаль.

— Был велик валун, а теперь, малыш,
голышом голыш на песке лежишь...
Подберу, отдам имя-отчество
и швырну в волну одиночеством.

— Не гони, волна, голыш к берегу,
а люби-таскай, как родная мать,
измельчи его до крупиночек,
буде он песком твоим, Балтика.

СТАРИК

1.

Он помнит вкус и волны аромата,
он шепчет имя пересохшими губами,
в молочном свете лунного заката
он ловит воздух жадными руками.

Навек ушла прекрасная Росита,
цветок души, последняя услада!
Завлечена и начисто разбита
непобедимая испанская армада.

Какой позор для честного вояки, —
о нём судачат галисийские цыганки...
И повторяют их пустые враки
домовладельцы и домохозяйки.

Смеётся дерзко юная испанка,
и вторит ей надменная гитара:
— Права, права скандальная беглянка,
зачем он ей, такой седой и старый!

Навек ушла прекрасная Росита,
цветок души, последняя услада.
Завлечена и начисто разбита
непобедимая испанская армада.

2.

Хорошо тосковать одному,
пить вино и смотреть на луну,
не жалеть, не мечтать, не любить,
никого ни за что не судить.

Можно старые письма достать,
можно старые книги листать,
можно вспомнить былую вину.
Старики не должны никому.

ПАЛЬЦЫ

Раз, два, три, четыре, пять –
кто-то вышел погулять,
кто-то встал и потянулся,
кто-то вовсе не проснулся.

У виска поправив прядь,
стали пальчики страдать:
– Даже с нами не простился,
а ведь клялся и божился
холить,

нежить,

целовать

и с мороза согревать.
Нет же, вздумал умирать!

Поскулили, поскучали
раз, два, три, четыре, пять,
и – как сказано вначале,
вышли снова погулять.

РЫЖАЯ

Рыжую, рыжую, кудри по плечи,
встретила женщину в куртке овечьей,
с гордой осанкой, с правильной речью,
всё понимает — глаза человечьи.

О, как прекрасны странные встречи!

Нового счастья мне пожелала.
«Как, разве скоро?» — я отвечала.

Смотрим друг в друга, метель замедляет.
«Кто его знает», — она отвечает.
Кто его знает... кто его знает?

ПРОТОТИП

Мне сущность мою показали в три-дэ.

Так вот она, значит, какая...

Живёт себе где-то на дальней звезде,
пространства Земли озирая.

В её телескопе – сплошная война,
скрещенье светящихся линий.

В наушниках грохот и стоны со дна
не внемлющей Богу пустыни.

– *Как всё это грустно!*

– *Как страшно внизу!*

И руки бессильно роняет.

Из глаза убёгшую часом слезу
намеренно не утирает,
поскольку гордится собою самой,
являя сочувствие к твари земной.

МОЙРЫ

Прядильщицы во тьме прядут неумоимо,
никто не видит их, и все проходят мимо.
Прядильщицам во тьме ни грустно, ни обидно:
– Ну, были... ну, прошли... и тоже их не видно.

Прядильщицам легко бесстрашие даётся,
ведь нет у них души, и сердце в них не бьётся.
Прядение для них – ни мука, ни отрада,
а просто никого на свете им не надо.

СОБАКИ-ПАРИИ

Как пены хлопья на морском песке,
мы обездушены, мы мчимся налегке,
нам нравится желаний наших тварность,
и тварная нас подгоняет жадность.

Мы спарены давно с ремённою бедой,
сопряжены предощущеньем битвы,
горелой коркой и гнилой водой
нас кормит псарь и господин ловитвы.

И это значит — вышло время книг,
в музейных залах выжжены портреты,
и наконец-то лёг презренья блик
на бесполезные персидские монеты.

О, кожа прошлого, от нас отставший век —
отброшенный, он сам с собой недружен!
В какой-то миг в нас вымер человек,
и никому он более не нужен.

Мы здесь цари! Не с нами ли Нимрод
охотился, бросая вызов Богу?!
Собаки-парии, мы продолжаем род
гребущих лапами бегущую дорогу.

МУЗЫКА

Ах, для кого и в такую стужу
музыка вышла играть на площадь!
Чья-то улыбка запала в душу,
чей-то ударил затёртый грошик.

Богу играет сосуд скудельный,
знак человека – душа и руки,
он целиком
экспонат музейный,
выданный площади на поруки.

Верить, не верить... слова лукавы,
и говорящие мнимо круты.
Головы
под ноги кратной славы
падают знаками вечной смуты.

Слушайте! – музыка не обманет.
В грохоте ныне грядущего века
и в тишине,
 что однажды настанет,
нотой просветится знак человека.

МОРЕ, ВЕТЕР И ПЕСОК

Ну, конечно, я романтик.

И не смей со мною спорить!

Лучше вспомни Птицелова:

мы с ним – родственная кровь.

Я люблю ходить босая,

без очков солнцезащитных.

Я люблю смотреть на море

и ракушки собирать.

Чайкам бросила огрызок,

завернулась в одеяло.

Ветер Балтики – холодный,

пробирает до кости.

Солнце светит, да не греет,

но поёт песок текущий,

он такой восточно-пруссский,

что и в сказке не сказать.

Из песка построю крепость

с потаёнными ходами

и сама её разрушу, не останется следа.

Первобытные инстинкты

удивительно сближают,

побуждают строить замки

и вершить над ними суд.

За спиной проходят люди.

Хорошо, что их немного.

Хорошо, что в это время

здесь не принято галдеть.

Все мы, птицы-единицы, —

стая галок в пик сезона.

Под гребёнку всех сравнивают

море, ветер и песок.

Мы вас
касаемся

КУБОК

Просила Вечности. И был мне кубок дан.
Я оценила совершенство слепка.
Но зависти вино плеснуло по губам...
С тех давних пор их стягивает шрам –
ожога и божественности метка.

Ревнивый к славе, пал к ногам кинед,
и убран был разбитый в гневе кубок,
и гнев остыл по истеченьи лет,
но безголосым стал во мне Поэт.
И вечно сохнут спёкшиеся губы.

ЭТА БАРЫНЯ-СУДЬБА

Кто катается на мне, с плеч не слазит?

Это барыня-судьба безобразит.

И хохочет, и пинает пятою,

и растрёпанной щекочет косою:

– Не жалела ты себя ни минуты,

потому и не нужна никому ты.

Рукавами мне глаза завязала

и на шее у меня зубы сжала.

Полегли, как дерева,

долговязые слова.

Повалились, как трава,

низкорослые слова.

Недосказанным осталось немало –

редко барыня-судьба диктовала.

ЖИВАЯ КНИГА

Я – продолжение

несбыточных надежд,
живая книга в кожаной обложке,
собрание сказок, мифов и легенд.
Старик еврей был первый мой читатель,
всё нарукавником елозил по листам
и жёлтым ногтем чиркал по страницам.
Прибери меня за грош у букиниста
или укради, но – вынеси на свет.
Открой меня, перелистай, запомни
рисунок чётких отступов, пробелов,
какие-то отдельные слова.
Здесь путь и смысл местами поменялись.
Где путь – там смысла нет.
Где смысл – там нет пути.
Что у меня – моё?
Чего я никому не отдавала?
Вот нежность – не моя.
Вот имя – не моё.
Вся жизнь моя бумажной тряпкой стала
для грязных, потных и слюнявых пальцев,
им нет числа в читающей стране.
Душа и тело – чьё-то наслажденье
и чья-то мука, вновь ко мне вернулись
и вновь распались на простые знаки.
Жаль, что слова не значат ничего.

* * *

И. П.

Проснуться памятью в рапсоде,
стать рукописью без помет,
открыть глаза, увидеть свет
своей звезды на небосводе.
...Звезды, которой больше нет.
С последней судорогой тела
его покинуть и взлететь.
Так птица, покидая клеть,
сначала робко, неумело,
но уж торопится запеть,
себя предчувствуя свободной
на ветке осени неплодной.

НЕВИДИМКИ

Мы души бедные.

Над Волгой и над Шпрее
летим на бреющем,
возвыситься не смея.

Паря бескрылыми
стрекозами над лугом,
мы изобилуем
вибрацией и звуком.

Легко сближаемся
и дружимся,
и кружимся,
и невидимками
заглядываем в лужицы.

Мы беспилотные,
прилётные-улётные,
неуловимые,
свободные,
бесплотные.

Мы вас касаемся,
но мы – неприкасаемы,
неразличимы
и неузнаваемы.

Мы души бедные.
Мы просим снисхождения
за беспосадочность
и вечное движение.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ

Игорю Бяльскому

Моя судьба

 вершится наверху –
в безбрежной сини, в горних кабинетах.
Я чувствую, что *там*

 меня спасут –
оденут в плоть, оценят дар поэта.

Мои стихи должны произрастать
среди людей, а не в подземном мире.
Утишьте пса!

 Что стоит вам сыграть
на этой вашей среброструнной лире?!

Спуститесь, вышние,
 в страну подземных вод,
где я томлюсь, ужаленная змеем.

Да, признаю –
 водила хоровод
с подругами.

 Но больше не посмею
столь дерзновенно Хроноса дразнить:

тысячелетий гнёта не забыть
жене прекраснодушного Орфея.

Так возвратите солнечную тень
туда, где жизнь,
 где хор земных созвучий
встречает день
 и провожает день.
Туда, где слышен голос мой певучий.

.....

Пять тысяч лет
 на крыльях мотылька,
влетевшего в пространство кабинета.
...Сколь невесома древняя тоска!
...Сколь безупречна
 связь тоски и света!

* * *

Из впадины души, ревнуя к Эвересту,
высокий кок стиха вознёсся неуместно.

Хоть наголо обрей – опять приободритя
и отрастит хохол, и будет петушиться.

Задорный говорок... тщедушность канарейки...
цена тебе, стишок, не более копейки.

И всё твои слова – в тон выцветшей сирени,
швыряющей в окно бессмысленные тени.

Смешна твоя тщета прибиться к Гималаям,
нахальный гребешок обидно узнаваем.

МОЛИТВА

Разве жалко тебе, Господи,
если птичка запоёт,
над живыми, на погосте ли
расщеперивая рот?

Не оставь меня по благости
жить сипухой домовой,
хоть мешки мои подглазные
и роднят меня с совой.

Охрани ты птицу певчую,
и прозрачную стеной
стань под хищным когтем кречета,
устремлённого за мной.

Чтоб несла меня без роздыха
вдохновенная струя
Твоего святого воздуха,
милость Божия Твоя.

СМЕРТЬ

Смерть шла за мной,
и я слабела духом.
Смерть шла за мной,
и я шаги считала.
Она к земле
прикладывалась ухом,
слюну глотала,
слизывала запах,
и снова шла на двух костлявых лапах,
и на одну немного припадала.

Бил ветер в грудь мою,
а смерть потела
от похоти.
На поводке у страха
я шла туда, куда она хотела.

Измерена и с гирями вины
вот-вот уйду, мгновенья сочтены!

Вмешался случай –
властный спутник праха,
и смерть меня из виду потеряла.

Голодная, она вперёд ушла
и долго-долго на углу стояла,
высокая и узкая в кости.

Я не могла сама себя спасти...
...наверно, для небес не вовсе я пропала.

ВРЕМЯ ЖИТЬ

Когда извне приходит время жить
не для других, не ради хлеба, –
грызитесь, псы, за право сторожить
глядящую в седьмое небо.

Тогда не страшен мне ни человек,
ни сущность ангельского вида,
ни острый взгляд из-под тяжёлых век
гостеприимного Аида.

Не знаю, кто со мною говорит,
к какому ряду он причислен,
быть может, это Тёмный Гераклит –
первейший толкователь истин.

Я слушаю и понимаю смысл
боренья Сил и кротости овечьей
и не кривлюсь под грузом коромысел
добра и зла, мне спущенных на плечи.

Ты, ближний мой, на цыпочки привстав,
целуй меня в недрогнувшие губы.
Я не могу, от Вечности устав,
ни доброй быть, ни ласковой, ни грубой.

* * *

Река течёт. Звезда блистает.

Тростник

поёт

о чем не знает.

Он – голос, больше ничего.

Жестокий ветер непрестанно

терзает

бедного

его.

Из горла кровь.

С небес Осанна!

* * *

Ты научил меня бесстыдной быть:
слагать стихи, на ключ не закрываясь,
писать — как двигаться,
дышать и говорить.

И *так* пишу...
дриадой не скрываюсь,
не падаю в беспамятстве с ветвей,
лишь бы упасть
скорей,
скорей,
скорее,
как исступлённая —
в мистерии кровей.
И плакальщиц уменьем не владею.

Не возношусь на огненном хвосте
кометы, гаснущей за горным перевалом,
и не влекусь тщетой по борозде
за впёртым в землю стёршимся оралом.

Судьба кому-то Океан пахтать,
раскручивать времён тугие свитки,
а мне — стихами лёгкими болтать
служанкой муз на жёсткой римской плитке.

* * *

Не болею за границей,
мне она во сне не снится –
ни Париж, ни Барселона,
ни Афины Полемона.
Я – любовь, вольна, как птица,
обо мне пусть плачет Ницца
и тоскует Парфенон –
пленник треснувших колонн.

Я живу в плену желаний,
сожалений, ожиданий;
арамеи, готы, греки,
все стекаются, как реки,
чтоб наполнились моря,
чтоб цвела моя земля.
Чуть проснусь, они уж тут,
моего восхода ждут.

Старый маг, согнувшись луком,
обучал меня наукам,
навещал меня Эсхилл –
об Элладе говорил.
Дант блуждал по тропкам сада
и читал мне песни Ада,
и ко мне красотку Лотте
приводил смущённый Гёте.

Я – мечта, томление, млечность.
Я – черта и бесконечность.
Помню, знаю близких лица.
Для чужих я – заграница.

Что ребёнку, что поэту –
нет причины взрослым быть.
– Почему они такие?
– Невозможно объяснить!

Для детей и для поэтов не годится этот свет,
но другого, к сожалению, света не было и нет.

Ах, другого, к сожалению, света не было и нет!

* * *

Игорю Бяльскому

Два игрока, мы оба вне игры.
Живём своим, особенным, укладом:
из-под земли крадём слова-шары,
и по уму кладём их – ряд за рядом.

Нам видятся подножием гряды
сияющие смыслами ряды.

Мы любим их, как золото скупой,
мы множим их, нацеленные воры.
Промчится память жизненной тропой,
повсюду ей: раскопанные норы.

Грядущему положена основа.
Но всё труднее достаётся слово.

КОНИ МОИ

Может быть, я долго запрягала,
может быть, чужие алфавиты
с нашим по ошибке сопрягала,
и была за это жизнью бита.

Шубка молью трачена бывает,
жаль, но музам непонятно это,
ведь они под солнцем изнывают,
там у них мифическое лето.

Вот и я потрачена немало,
хорошо – хоть ритмами богата.
Может быть, я долго запрягала...
Может, кони вынесут куда-то...

* * *

Благодарю, Творец, за мужа и детей,
за жизнь без пошлых драм, кривлянья и затей.
За кофе по утрам, прожаренные гренки,
за мой простецкий нрав и гордые коленки.
Благодарю Тебя за тех, кого люблю,
за тех, кто мною жил, кого недолюбила,
за впечатления, которые ловлю,
как Прозерпина бабочек ловила.
За то, что Ты порой со мною говорил
высокой тишиной, мерцанием светил.
За двадцать долгих лет, положенных молчать,
за то, что снял запрет и с губ сорвал печать.

* * *

Пишу, пишу...

Но, кто он – мой читатель?

Рождён вчера

иль с будущим придёт?

Вхож в узкий круг

иль ждёт как соискатель?

Какую Парка нить ему спрядёт –

шелковую,

кручённую,

простую?

Уже люблю, уже его целую

и на его настраиваюсь лад.

Пишу... пишу...

Надеюсь, будет рад.

А женщина? Судьба её, какая?

Угрюмая,

унылая,

больная?

Где исказилась?

Чем потрясена?

Свои крыла над нею простирая,

замкну в кольцо:

– Будь счастлива она!

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Варакин. Чёрной завистью	5
--	---

Ташкентские тетради

«Душа мужает постепенно...»	13
«Отечество моё – не самый тёплый край...»	14
Верность	15
«Розовеют лужи от заката...»	17
Романтики	18
Дуда	19
«В руках всемогущего мига...»	20
Слово	21
«Душа, растущая в покое...»	22
«В окошко глянешь по привычке...»	23
«Может быть, и нас полюбят...»	25
Так было, есть и будет	26
Были б мы рады	27
Оловянный солдат	28
«Как Божий дух над хаосом и бездной...» ...	29
Корни	31
Розы... Ромашки	33
Другая земля	34
Человек, иди домой	35
Журавушка	36
«Если вся моя жизнь...»	37
С Востока	38
Звёзды	39
«Живу. Во мне живёт порядок...»	40
Страхи сна и страхи ночи	41

«Выбегает балерина...»	42
«Мы все – и не однажды...»	44
«Он только тронет платье...»	45
«Вот я – любовь...»	46
Заклятье	47
Птичий народ	48
«Всё те же мы...»	50
«Я иду по отвесной стене...»	51
«Где-то рядом...»	52
Экспонат	53
«Узким горлом разлуки...»	54
«От Яккабага до Карши...»	56
Холодно	58
«На прицепе трактор вёз гузапаю...»	59
Двое	60
«Ещё полжизни здесь...»	61
«Я – в тревогу, как в дороге...»	62
«Вдохни на мысль...»	63
Схима	64
«Ты говоришь мне...»	65
«Об этом каждый что-то знает...»	66
Домой	68
«Официант! Подайте счёт...»	70
Лотерея	72
«Одолжи десятку, плотник...»	73
«Судьба, как магнитная мина...»	74
Инструмент	75
«Vive la France!..»	76
Кино	77
Классика	78
Сон	79
Боль-кольцо	80
Театр	81
Русалочка	83
В песках	84

«Жрецы. Фанатики. Кликуши...»	86
«А вчера, как чёрная дыра...»	87
Город Солнца	88
Балансир	89
«Что ты сердце...»	90
Ванька-сторож	92
Монолог	93
Емеля	95
«Разомкнуты уста...»	96
Рожок	97
Через речку	98
Дым Отечества	99
Запласталась по суху ракитина...»	100
Полустанок	102
Одиннадцатый квартал	103
О стрижках	104
Каторжане надежды	106
Командор	107
Память	108
Скрипач	109
К Мужеству	111
Эпитафия	112
«Я – в землю вросшая стена...»	114
Исход	115
Forever	116

Синяя птица

«Летает, летает, не хочет садиться...»	119
Поезд	120
Избрание	122
К Овидию	123
«Над побережьем балтийским...»	124
«Мои подранки сиры и убоги...»	125
«О, Родина, воспрянь!...»	127
«Ты разувения слухом не лови...»	128

Вздыхает Фауст	129
«Весна. Дожди...»	130
«Как сиротам родную мать...»	131
«Меньше места и больше могил...»	132
Кёниг	133
Чего не осталось	134
«Мы теперь анахореты...»	136
Болдино	137
«Кто в Москве сегодня помнит...»	138
Плесень	140
Пора милосердия	141
«Шепнёт лукавый: – нет греха...»	142
«Помнишь мальчика-нанайца?...»	143
«На плаху высоких воздушных потоков...» .	145
«Не плачьте!...»	146
«Человек, пока можешь мыслить...»	147
«Почти незаметно...»	148
Трамвайчик	149
Морок	150

Беседка. Тени. Кружева

«Я к дням притягиваю дни...»	153
«Никто любви не стоит...»	154
«Глаза, опущенные долу...»	155
«Попробуй спрятать кожу древних рук...» .	156
«В сырой и топкий край...»	158
«Сказал, что философ...»	160
«Выкинь зеркальце кривое...»	161
«Его стихи... твоё дыханье...»	163
«Положим, что из множества утех...»	164
«В сердце демона пустила...»	166
«Какая тяга жить...»	167
«Вот я – дышу и движусь...»	168
«Городские звуки отключила тишь...»	169
«Все золотинки...»	170

«Райской птицы осыпались перья...»	171
«Какое счастье никем не быть...»	172
«Ни о чём уже не споря...»	173
«Щипцами толкнёшь головёшку...»	174
«Вновь сердца кулачок...»	175

Море, ветер и песок

Крещение	179
Страна	180
Гуммерсбах	181
Город	182
Иностранка	184
Рыбарь	185
Погонщик	186
Рыцарь места	187
Девочка	188
Тётя Валя	189
Дона Флор	190
Боевая машина пехоты	191
Камушек	192
Старик	193
Пальцы	195
Рыжая	196
Прототип	197
Мойры	198
Собаки-парии	199
Музыка	200
Море, ветер и песок	201

Мы вас касаемся

Кубок	205
Эта барыня-судьба	206
Живая книга	207
«Проснуться памятью в рапсодее...»	208
Невидимки	209

Пять тысяч лет	211
«Из впадины души...»	213
Молитва	214
Смерть	215
Время жить	217
«Река течёт...»	218
«Ты научил меня ...»	219
«Не болею заграницей...»	221
«Только детям и поэтам...»	222
«Два игрока...»	224
Кони мои	225
«Благодарю, Творец...»	226
«Пишу, пишу...»	227

Литературно-художественное издание

Алла Широнина

КОРНИ

Выпускающий редактор А. Шмулий

Редактор И. Бяльский

Художественное оформление С. Диманд

18+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону №436-ФЗ 29.12.2010 г.*

Формат 84х108/32. Усл. печ. л. 7,31

Ограниченный тираж.

Гарнитура «Rimes New Roman».

Адрес электронной почты: info@delibri.ru

Сайт в интернете: letmeprint.me

ООО «Де`Либри»

109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д.23, стр.1

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

www.t8group.ru; info@t8print.ru

тел.: 8 (499) 332-38-30